

ТЮМЕНЬ Литературная

В России почему-то принято, чем выше ты во власти, чем знатнее, тем дальше от народа своего же. Яд талмудизма проникает во все наши высшие слои. Надо иметь мужество, чтобы выстоять. Мужество, чтобы победить.

Олег Платонов,
писатель, историк.

Газета русской литературы и культуры

RUSSIA № 3 (81) 2004 г. TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

Севастополь. Памятник затопленным кораблям.

*Холмов боевых кругорядь,
Щит-месяц на перевале.
Нам нечего больше терять,
Мы, русские, все потеряли.*

Валентин Сорокин.

Виктору Бокову — 90!

* * *

*Что привезти тебе из Тюмени?!
Что подарить тебе, милая скромница?!
Самую сильную рыбу тайменя?
Или потешную белку-кедровницу?*

*Что присмотреть и какую обновку?
Не был пока я в Тюмени, а думаю.
Или достать мне лисицу-огневку,
Или тебе по душе черно-буряя?*

*Может, в Тюмени зайти в тимокатную,
Валеночки заказать, как положено?
Чтобы ты, радость моя незакатная,
Белые ноженьки не заморозила!*

*Иль привезти тебе хлебца тюменского,
Белого, белого, мягкого, мягкого,
Самого что ни на есть деревенского,
Свежего, дышащего, немятого!*

*Все привезу! Когда любишь, то жалуешь
Хлебом и рыбой, стихами, мехами.
Золотом, всеми дарами державными,
Всеми жар-птицами, всем полыханьем!*

1966 г.

Стихи и песни выдающегося русского поэта современности Виктора Федоровича Бокова звучат в России и в мире вот уже многие десятилетия. Достаточно назвать его классические и всенародные «Оренбургский пуховой платок», «Лен, лен, лен», «Ой, снег-снежок» или «На побывку едет», как в душе возникают и звучат теплые и звонкие мотивы, картины народной жизни, чувства высокого сопереживания и любви.

Знают и любят Виктора Бокова и на Тюменской земле. Много раз в семидесятых годах минувшего века бывал он в наших краях, его выступлениям аплодировали многолюдные аудитории, а у любителей поэзии и сегодня есть сборники стихотворений русского народного Поэта.

С высоким юбилеем Вас, дорогой Виктор Федорович!

НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ КОСМОС

Колонизация космоса: проблемы и перспективы

Беседа главного редактора «ТЛ» Николая Денисова
с тюменским ученым Владимиром Золотухиным

Денисов. Космос для любого человека, живущего на Земле, загадочная, таинственная сфера. Оттого мы с почтением интересом, особенно в пору детского возраста, смотрим в небо и думаем: а что же там?! Есть ли там разумная Возвышенная сила, которая видит нас, управляет нами? Есть ли там собраться по разуму? И где предел этому глубинному синему пространству? Так и я думал в детстве, лежа на зеленой деревенской полянке и смотря в таинственное небо... Но, Владимир Антонович, оставим для другого разговора этот мой лирический зачин, поговорим о конкретном. О космосе в практическом его аспекте, о проблемах, которые разработаны Вами в книге, название которой вынесено в подзаголовках нашей беседы. Книга Ваша выдержала уже два издания. Сами Вы сегодня не только академик Международной академии авторов научных открытий и изобретений, а также активный член Совета Тюменского областного общества русской культуры, ведете общественную работу.

Еще в 1996-м году Вы предложили в «Тюмень литературную» первую свою статью о космосе. Она была напечатана. Так что и «ТЛ» гордится тем, что издание наше первым среди российской прессы поддержало талантливого человека. И ученого. Потом была другая публикация у нас. Затем вышла Ваша книга.

Каково состояние Ваших исследований на сегодняшний день? В чем видите актуальность своих работ?

Золотухин. Работы мои являются развитием и продолжением идей Константина Эдуардовича Циолковского на современном этапе. Это признано на ряде научных конференций, на «Циолковских чтениях». Ведущие мировые ученые отмечают, что в таком объеме и масштабе еще никто в наши дни не ставил эти проблемы, не показал пути их решения. А речь идет о ресурсном обеспечении человечества, с проблемой этой земляне уже остро ощущают сталкиваются. И в минувшем веке, в семидесятых еще годах, в докладах Римского клуба ставились споры ресурсной ограниченности на Земле. Вырубаются леса, истощаются рыбные запасы, полезные ископаемые, особенно – нефть, газ. Все меньше остается землянам этого дармового «пирога». А человечество увеличивается в численности, аппетиты его растут. Это противоречие, кстати, нанесло жесткий удар по великой идее построения коммунизма, социальной справедливости. Возобладала парадигма ограниченного обеспечения избранных...

Денисов. Да, так называемого, золотого миллиарда...

Золотухин. Именно. Но не получится с этим «золотым миллиардом». На лицо будут конфликты. И жесткие. От них никуда не уйти. Но все же такой реальности можно избежать, сделав качественный скачок в научно-техническом прогрессе. Вспомним исторический пример. В девятнадцатом веке было проведено исследование английских специалистов по Лондону. Они, специалисты того времени, предвещали, что к 20-му веку Лондон покроется многометровым слоем навоза и жители покинут город. Считалось, что кроме гужевого транспорта и быть ничего не может... Но произошел научно-технический прорыв в развитии. И те предсказания выглядят смешными, наивными.

Сегодня наши проблемы должны решаться переходом на качественно новые технологии. И это не все. Колоссальный ресурс – в расширении среды обитания человечества. За счет включения ресурсов солнечной системы. Эти ресурсы бесконечны!

Денисов. Сегодня буквально все газеты – патриотические и буржуазно-либеральные – в один голос вопят: в ближайшие годы закончатся запасы нефти на Земле. Все! Предел! Начнется невообразимое. Но никто не говорит о том, что человечество СПОСОБНО восполнить свои ресурсы за счет космоса.

Золотухин. Международные эксперты от энергетики прогнозируют это исчерпание 2030-м годом. Картина достаточно печальная. Что-то останется еще на Ближнем Востоке...

Денисов. Потому фашиствующая Америка, США и развязала войну за обладание запасами этих ресурсов. И войны эти будут продолжаться...

Золотухин. Обращу ваше внимание, Николай Васильевич, на заметку в газете «Труд» от 22 октября сего года. Заметка называется «Легкой нефти не осталось». Несмотря на бравадные заявления некоторых наших политиков о «неисчерпаемости нефти», мы в России, например, вышли уже на потолок ее добычи. Проблемы грядут... А я предлагаю не просто философские, а технические их решения. В том числе и запатентованные решения.

Денисов. Ближе к теме поговорим. Как технически осуществить Ваши научные разработки?

Золотухин. Фундаментом моих разработок является «Инерционный термоядерный синтез». Речь идет о реакторе термоядерного синтеза. Тоже, кстати, запатентованного. (См. патент № 2125303 «Способ осуществления инерционного термоядерного синтеза и преобразования полученной энергии»). Термоядерный синтез – это экологически чистый источник энергии, он независим от погодной, от суточной периодичности. Он неисчерпаем. Это весь мировой океан. По сути – бесконечность. Но, к сожалению, основные научные школы в России и за рубежом пошли по тупиковому пути. Финансируется направление «Токомак» – магнитное удержание плазмы. В течение пятидесяти лет пытаются реализовать это направление. Затрачены десятки миллиардов долларов. Результатов нет. Есть ли альтернатива этому «Токомаку»? Такую альтернативу я и предлагаю. Ни одни другие разработки не позволяют в одной компактной установке получать реакцию, преобразовывать ее в конечный полезный продукт – в электрическую энергию. Уточняю: в одной компактной установке.

Денисов. Владимир Антонович, горю нетерпением задать вопрос и услышать ответ, доступный рядовому читателю нашему. Мы рассуждаем о том, что нас окружают бесконечные ресурсы! Как их взять? Каким образом? На нашей планете и в космосе?

Золотухин. Речь веду о термоядерном реагенте. Это изотоп водорода, который при термоядерном синтезе превращается в гелий. Радиационно-пассивный продукт, химически инертный. И чистый. Энергия в чистом виде, полученная из воды. Если провести электролиз, будем получать экологически чистый вторичный продукт – водород.

Денисов. Понимаю – это энергетический продукт. Нацеливаю Вас на космос. Давайте туда, в небеса!

Золотухин. Для того, чтобы выйти на эффективное освоение космоса, нужны принципиально новые технологии. Не ракеты многотонные, которые сейчас мы видим. Есть другой способ вывода на орбиту полезных грузов. Миллионы и миллиарды тонн грузооборота и пассажирооборота. В моей книге подробно расписано как эта проблема должна решаться...

Денисов. Я тоже представляю, что это не ракеты, а новые «машины», которые курсируют между планетами и доставляют нам на Землю грузы особого назначения. Так я и наши читатели Вас понимаем?

Золотухин. Узкое место нашей космонавтики, повторяю, вывод полезных грузов на орбиту. Самый энергозатратный способ, когда сжигается сотни тонн ракетного топлива. Так вот я предлагаю не ракеты, а магнитно-плазменные двигатели. Это достаточно крупный и объемный аппарат, выводимый на земную орбиту. Дальнейшее – все проще...

(Продолжение на 4-5 стр.)

Денисов. Получили такой корабль. Куда мы полетим?

Золотухин. Осваивать всю солнечную систему. Где очень много материальных, энергетических ресурсов, в том числе и пространственной сферы нового обитания человечества.

Денисов. Хорошо. Прилетели. Что мы там берем: полезные ископаемые?

Золотухин. Не только. Я предлагаю – в рамках идей Циолковского – построение колоний. Будет расширяться сфера обитания землян. Есть уже известная модель заселения новых пространств. Русский народ в свое время пошел в Сибирь. Но он не ушел ни с Днепра, ни с Оки, ни с других освоенных мест. По такой же аналогии человечество, надеюсь, при соответствующей роли русского народа, будет осваивать солнечную систему.

Денисов. Мы привыкли на Земле дышать кислородом. Там чем будем дышать?

Золотухин. Существуют технологии этого – трансформация целых планет. В частности, это одна из научных идей моей книги. Она сейчас приобретает большее значение и кое-кто пытается реализовать ее в закрытом режиме. Скажу, что американцы серьезно относятся к этой идее, – трансформации среды обитания на других планетах. Проще сказать, речь о строительстве гигантских космических сооружений. А для этого, вновь подчеркиваю, нужны совершенно новые технологии, обеспеченные ресурсным и энергетическим фундаментом.

Денисов. Вышли Ваши книги. Как донести их до читателя? До научной общественности? Понимаю, нужна широкая дискуссия. В том числе, наверное, и на политическом высоком уровне?

Золотухин. Второе издание книги «Колонизация космоса: проблемы и перспективы» я разослал многим, как я считаю, потенциально заинтересованным адресатам. Они могли бы способствовать широкому и высокому обсуждению книги. Это ведущие наши академики, специалисты космоса. Послал книгу в научно-популярные журналы, в основные СМИ. Направил и руководителем государства – в правительство, в администрацию президента. Из последней ответили, что книга получена, передана в библиотеку президента...

Денисов. ... и поставлена на полку...

Золотухин. Не знаю, листал ли её Владимир Владимирович... Послал всем руководителям фракций в Госдуме. Ответил автору только Геннадий Андреевич Зюганов, поблагодарил, мол, «делаем общее большое дело». Больше из думцев никто не ответил.

Впрочем, несколько лет назад депутат Костин в одном из подкомитетов продвигал обсуждение моей книги. Но что-то помешало организовать слушания на столь высоком уровне.

А какие здесь видятся интересы? Ведь даже на стадии обсуждения проблем, что я поставил в книге, возможно снижение конфликтного потенциала в международных отношениях. В мире глобальный дефицит ресурсов. Сильные государства посягают на соседней: нельзя эти ресурсы силой отнять? Так и поступает США. Нагло и цинично пытается завоевать Ирак с его нефтью... Огромные пока ресурсы у России. И Россия ослаблена. Вот и думайте, что ожидает «дорогих россиян»?

Денисов. Выхватыванием ресурсов у слабой страны, чем сейчас и занимается полицейское государство США, этот мировой разбойник и террорист, проблемы дальнейшего существования людей на земле не решить. А все мы в одной лодке.

Золотухин. И я надеюсь, что процесс спасения человечества возглавит Россия. Пока еще не утратил этой надежды.

Денисов. Давно знаю о Ваших хлопотах, порой мучительных – именно в продвижении на широкий и высокий уровень своих патриотических, государственных идей. «Тюмень литературная» первая из российских СМИ рассказала о Ваших работах, научно обоснованных. И жаль, что так мало находится людей, которые по-настоящему могли бы помочь в их реализации. А ведь дело – планетарное. Иногда приходит этакая «крамольная» мысль: может быть, стоит обратиться к странам, которые с большим подъёмом заинтересуются Вашими трудами. К странам древней культуры – Китаю, Индии, к умным японцам? Конечно, мы патриоты своего Отечества, но как говорил Твардовский: «и все же, всё же...»

Золотухин. Такие пути решения проблемы исключены. Я

еще пока не потерял надежды, что в России всё-таки найдутся люди, которые не утратили здравого ума и патриотизма. Надежда умирает последней.

Денисов. Если ли в Ваших работах разделы, темы, наиболее приближенные к практической реализации?

Золотухин. Взять инерционный термоядерный синтез. Все расписано по всем параметрам... Но получую отписки. Из высоких инстанций. Из Министерства науки прислали вот этакую шпаргалку. Цитирую выборочно: «...Содержащиеся в книге материалы не могут рассматриваться в качестве технических предложений... нет экономического обоснования...» Хочется задать вопрос авторам сей цидульки: в каких турниках или пластрах можно обсчитать пути решения глобальных проблем, угрожающих существованию человечества?! Абсурд ведь! Монетаризм идиотский. Такие отписки, конечно, удручают.

Но вернёмся к термоядерному синтезу. Один из пунктов отписки из Миннауки гласит, что мои разработки были отданы на рассмотрение Минатома и Федерального космического агентства. Не решаются так вопросы. Практика показала, что в нашем государстве очень сильны сегодня клановые интересы. Вот они и создают барьеры в продвижении и реализации научных трудов и предложений.

Кулуарно мне не раз говорили, мол, да, Ваши разработки – самые перспективные! Но ведь никто не берется помочь их реализовать практически.

Денисов. Кто они, мягко говоря, оппоненты? Как они себя проявляют?

Золотухин. Начну с тех кондовых обскурантов, которые могут рядиться в патриотические сарафаны и косоворотки, и при этом звать нас чуть ли не к лучине. К «истокам», к «естественности». Сами, между тем, не в пещере живут и не у костра греются. Да чем они тогда отличаются от Чубайса, который разбойно орудует электрорубильником и погружает целые города во мрак и холод? Эти философы, так называемые, «патриоты», проповедуют, что всякий научно-технический прогресс вреден. Моя же трактовка такова: научно-технический прогресс, не окормленный духовностью, да – приводит к монстрам. Однако, научно-технический прогресс, окормляемый духовно, – достойный путь решения проблем человечества. Это первое. Второе. Начинать воровать мои научные наработки. Вот газета «Труд» за 22 октября 2004-го печатает заметку «До Марса можно долететь за 45 дней». Цитирую выдержку: «Благодаря новой технологии, разработанной американскими учеными для НАСА, полёт на Марс и обратно может занять всего 90 дней... Запуск космического корабля предлагается осуществлять со станции, находящейся на околоземной орбите... на корабле, оборудованном плазменным излучателем». Что ж... Разовью это краткое сообщение своими словами: для ясности читатель!.. Двигатель (маршевый) на корабле отсутствует. Корабль оснащается магнитным парусом, несущим две функции. Во-первых, магнитное поле защитит корабль от набегающего потока плазмы (плазма отталкивается магнитным полем). Во-вторых, магнитное поле воспринимает давление набегающей струи плазмы, передаёт импульс кораблю, и корабль ускоряется. Другими словами: корабль окружен магнитным полем, созданным магнитом внутри корабля и вместе с этим полем ускоряется. Вся энергетика поступает извне. Аналогом может служить выстрел из огнестрельного оружия. В данном случае пуля – аналог корабля. Отличие только в том, что при выстреле возникают колоссальные ускорения и перегрузки. А набегающий поток плазмы будет ускорять постепенно. Ну а плазмтроны можно установить, например, на Земле, не забывая об их массивности и изготавливая их предельно надёжными. Таким образом, можно, например, эффективно выводить полезные грузы на орбиту Земли. Не «таскать», как в ракетах всю энергетiku за собой, «вылизывая» каждый грамм массы в ущерб надёжности, но разделить ускоряющий объект и ускоряемый корабль. В качестве рабочего вещества плазмы (плазма – нагретое и ионизированное вещество) лучше всего применять обыкновенную пресную воду – экологически чистый продукт с большими ресурсами. Воды в Мировом океане десять в восемнадцатой степени тонн. Ну а в Солнечной системе воды более чем десять в двадцать пятой степени. В основном вода

Николай ДЕНИСОВ

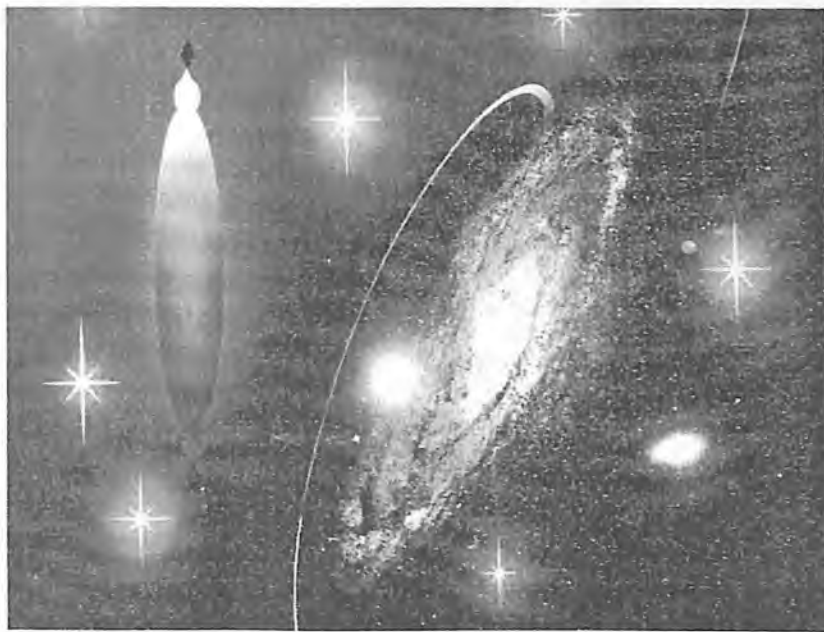
АНТИХРИСТ

А месяц будет плыть и плыть...

С. Есенин

*В листве осины зреет страх,
Трепещет древо-выкрест:
Для всех голов не хватит плах,
Когда придёт антихрист!
И ты наивен, человек,
И так в наивстве канешь.
Ещё добром жестокий век,
Двадцатый век помянешь.
Ты по теченью будешь плыть,
Пришествию не веря...
Дурные головы рубить –
Одна забава зверю.
Вот он идёт – загробный свист! –
Все три шестёрки – ко дню.
И русский лес последний лист
Роняет в преисподню.*

1996

Туманность Андромеды

сконцентрирована в кометах и некоторых спутниках планет-гигантов. Этого ресурса человечеству хватит на миллиарды лет...

Вот об этом самом публиковал я работы много лет назад в «Технике молодежи», в других изданиях. И в моей книге расписаны эти предложения во всех подробностях. А «американцы», видите ли, «предлагают»! Понятно, откуда всё это взято. Конечно, и в дальнейшем при таком воровстве идей не будет ссылок на мой приоритет. Просто станут тихой сапой присваивать не свои наработки, что уже делается сегодня...

Наши генералы от энергетики, от топливно-энергетического комплекса способны вложить деньги в практическую плоскость, которую я предлагаю. Только у них сегодня есть свободные капиталы. Но они осторожничают. Смотрят: выгодно, не выгодно?

Денисов. Обращались к ним?

Золотухин. Посылал свои публикации. И конкретно обращался. Но сегодня Сибирь еще пока фонтанирует нефтью, цены на неё зашкаливают на мировом рынке. И слава Богу, думают они. Не волнует их, что буквально через несколько лет клонит жареный петух. Узость мышления потрясающая...

Денисов. Энергоресурсы истощаются и дорожают. Дорожает, следовательно, всё на свете. Это мы видим уже сегодня. Мне кажется, что владельцы автотранспорта посматривают уже на велосипеды. Разговариваю с продавцами на велосипедных выставках-продажах. Их несколько в Тюмени. Есть и в моем микрорайоне. Два года назад, говорят молодые парни-продавцы, над ними смеялись: «О, ВЕЛОСИПЕДЫ!?!» А сегодня, говорят продавцы, люди уже покупают эти средства передвижения, что порядком уже подзабыты!

Золотухин. Конечно. Это не выход в наше время. Надо решать проблему на том высоком уровне, что предлагается. Нет в моих научных разработках ущемления чьих-либо интересов. Ни одного государства, ни одной нации, ни одного слоя общества и индивида. Но дойти до понимания серьезной угрозы земляне, как кажется, пока не в состоянии. Обидно. Собираются конференции, форумы, в том числе и на международном уровне. бог знает о чем толкуют... Некоторые мои оппоненты говорят: не будет нефти, перейдем на уголь. Выход видят в возвращении в девятнадцатый век, а не в освоении прогрессивных технологий. Понимаю, что в один присест их не решить – этих проблем. Но начинать надо!

Денисов. Ваши прогнозы на дальнейшее развитие цивилизации? И какое место в будущем у ваших научных разработок?

Золотухин. В мире есть силы, которые стремятся устроить существование землян так, чтоб мы жили в некоем замк-

нутом мире, который бы жестко контролировался. А для этого надо уменьшить численность населения на Земле до пяти-сот миллионов и в этом болоте нам проживать, в жестко контролируемом избранными.

Денисов. То есть одна «избранная» часть оставшегося после всемирного геноцида общества была б во главе, другая, большая числом, стала их обслуживать.

Золотухин. Да, известная просвещенному читателю, пирамида, на вершине которой – управленцы миром. Кстати, напрасно кто-то надеется, что «квоты» оставшегося человечества будут равномерно распределены по всем нациям и народам. Авторы подобных сценариев многие нации (русских, например) целиком списывают «в расход».

Не получится.

Думаю так: если начнется глобальный геноцид народов, то кривая депопуляции проскочит эти пятьсот миллионов (эксперименты-то идут над Россией) и остановится на нуле. Это будет такое волчье общество взаимного пожирания: человечество полностью одичает. Я бы в таком обществе жить не хотел.

Это один путь.

Второй: когда все-таки разум возобладает, когда будет востребована идея разумного пути развития человечества! Этим ведь должно заниматься государство с огромным финансовым ресурсом. Но постепенно – в режиме ступенчатого доверия. И уже сейчас, сегодня надо обсуждать эту проблему.

Конечно, как учёный, как человек я заинтересован, чтоб мой приоритет был отмечен. Но я считаю, что мои разработки по ресурсам, по космосу являются русским национальным достоянием. И это одна из моих главных форм служения патристической идее.

Я выбрал это. Это мой крест. И я его нес.

Денисов. Спасибо, Владимир Антонович за интересную беседу. Хочу пожелать Вам осуществления Ваших действительно глобальных проектов. На пользу не только нашей Родине, но и всех живущих на нашей пока еще прекрасной Земле.

И подчеркиваю Вашу мысль о том, что научные разработки по освоению космического пространства – это именно Русское национальное достояние.

Золотухин. Я настаиваю на том, что подходы, прозвучавшие в данной беседе, должны обсуждаться на самом высоком уровне. Не замалчивать, не уходить от поставленных вопросов, но требуется самая широкая дискуссия с привлечением как лиц ответственных, так и широких масс.

Денисов. Согласен. Подождем реакции на этот разговор.

Коллега

Константин Яковлевич Лагунов из числа тех, кто от деревянной сохи шагал вместе с вождём И. В. Сталиным, создавая экономику мощного государства, кто победил фашистское нашествие, кто залечивал после страшной войны раны и создавал в те годы мощнейшее оружие самозащиты на будущие времена. Лагунов был в рядах тех, кто своими духовными снарядами громил мешавших русскому народу строить социалистическое государство.

Писатель и гражданин, почётный тюменский горожанин в своей исповеди «Через Голгофу на Олимп» предстаёт как искренний и добрый, несгибаемый, думающий и сомневающийся наставник молодёжи.

В моей домашней библиотеке мало чего нет из написанного К.Я. Лагуновым в разные годы, напечатанного в последнее десятилетие в газетах и журналах. Я дорожу подаренными Константином Яковлевичем книгами с автографами — дружескими, человечными, искренними. Готов поделиться ими, если они станут экспонатами, надеюсь, будущего музея писателя. Естественно, автографы эти рождались и сопровождались короткими и продолжительными беседами с Константином Яковлевичем.

Первая такая беседа состоялась в самом начале 80-х годов, когда я — тогда начинающий декан только что открытого филологического факультета в Тюменском университете, активно пробивал идею создания отделения журналистики. Тюменские журналисты, в частности, Б.И. Сюбаев, ответственный секретарь Союза журналистов в Тюмени, меня поддерживали. Я часто читал лекции по культуре речи на журналистских семинарах. И все же открытие нового отделения, затем факультета, в нашем университете продвигалось медленно. Необходима была поддержка не только обкома КПСС, но и идеологического отдела ЦК партии.

И мне посоветовали переговорить с главой Тюменской писательской организации Константином Лагуновым. Готовясь к встрече с писателем, прочитал только вышедший его новый роман «Больно берег крут». Встретились мы в одном из кабинетов обкома, писатель поддержал мою идею. (И не случайно — через несколько лет К.Я. Лагунов стал заведовать у нас этой кафедрой журналистики!). А тогда была еще встреча с секретарем обкома Г.Д. Лутошкиным, он позвонил в ЦК КПСС, получил согласие, а я — право на оформление соответствующих документов. И опять «случайность» — при выходе из обкома я встретил Лагунова, сказал ему о результатах моего визита к секретарю по идеологии, он воскликнул: «Молодец!».

Короче говоря, все получалось так, как и должно было получиться. Помню как-то ректор университета Г.Ф. Куцев предложил мне уговорить Лагунова на заведование кафедрой. Мне в этом деле помогла дочь писателя Ольга Константиновна, доцент кафедры русской литературы. И Константин Яковлевич, согласившись, активно взялся за новое дело.

Конечно, по складу своего характера, писатель, теперь профессор, сразу ринулся в аудиторию, к студентам, а я возвращал его к написанию разных планов, программ, которые он вначале не принимал всерьёз. Дай Бог, светлой памяти доценту Рогачёву Владимиру Александровичу, автору самых объективных и лучших статей о книгах К. Лагунова, так вот Рогачёв, не жалея времени, помог мне и Константину Яковлевичу в оформлении разных методичек и программ. Со временем и здесь всё стало на свои места. Константин Яковлевич, по моим наблюдениям, сумел настолько заинтересовать и сплотить вокруг себя творческую молодёжь, столько отдавал воспитанию молодёжи сил, что, кажется, ни на что другое у него не должно было оставаться времени. Он напоминал хлопотливую, заботливую наседку, вокруг которой копошились желторотые, но амбициозные цыплятки. Видеть это моим коллегам было радостно. Но всякое бывало. Возможно, что кто-то и завидовал Лагунову, говорил о нем неллицеприятное. Не всякий, к сожалению, способен заметить очевидные плоды просвещения, вызревавшие в его учениках. К примеру, немало он поддерживал начинающих университетских поэтов и прозаиков, а некоторые из них помог выпустить первые свои книжки...

К Константину Яковлевичу я относился как к умудрённому жизненным опытом старшему коллеге по работе, единомышленнику по общественным позициям, по отношению к происходящим в стране и в мире событиям. Мы особо и не спорили, а, как говорится, сверяли часы, поскольку в равной мере оба негативно относились к разрушителью союза братских народов Горбачёву, одуревшему от власти и алкоголя Ельцину, к разного рода мошенникам приватизации и демократическим русофобам. Конечно, Константином Яковлевичем всё это воспринималось болезненней, экспрессивнее и обоснованней, так как рушили то, что он сознательно строил всю свою жизнь.

С Константином Лагуновым общалось много людей, но с каждым он находил особый микроклимат общения, каждому он дарил доброе слово. Особенно щедрым в последние годы Константин Яковлевич оставался с молодыми преподавателями и студентами-журналистами. С ним легко и очень просто работалось, на него было непросто сетовать. «Виной» тому, видимо, являлась его черта характера — единственность реакции на все мелочи жизни, постоянство убеждений и опора на жизненный опыт. О нем писатель поведаль в своих многочисленных книгах, ставших духовным богатством для современников.

Н.К. Фролов, председатель
Тюменского общества русской культуры, академик.

В год юбилея известного сибирского писателя Константина Лагунова есть повод поразмышлять о его последнем произведении, изданном уже после ухода автора «Самоедов» из жизни. С интересом прочел этот роман. Речь в нем идет о духовно-нравственном становлении человека и эта проблема, может быть, никогда не ставилась так резко, обнажая зло и бессмыслицу сегодняшней России.

Константин Лагунов обладал удивительной чуткостью и умением улавливать аспекты в зародыше общественно важные нравственные аспекты бытия. Вспомним его прекрасный очерк «Воспитать человека» («Урал», № 1 за 1978 г.), статью «Подранки» (Тюменская правда за 20.11.1996 г.). Эти публицистические работы вызвали огромный резонанс среди читателей, так как он задолго до сегодняшних образовательных реформ предупреждал о том, какую роль играют СМИ, о том — надо ли внедрять западные «ценности», ориентированные на эгоизм, практицизм, рационализм. Верный жизненной правде в изображении действительности, он и в романе «Самоеды» не мимикрировал. А обнажил удушливый, безнравственный смог нашего времени.

Читаешь и физически ощущаешь, как сместились традиционные нравственные ценности в сторону культуры денег, наживы, как нарушен основной семейный закон жизни. Чувство нравственной тошноты и отвращения вызывают рыночные отношения между людьми, цель которых одна — обман людей, нажива, выгода, и ничего кажется святого уже не осталось.

Приведу разговор Светланы, одного из главных персонажей в романе, с матерью. Светлана красавица, умница, закончившая университет с красным дипломом и ее нравственное падение, эволюция взглядов потрясает мать своей циничностью. «А ты не знала?.. Не предполагала?... Не догадывалась даже, что твоя красавица и умница, твоя единственная дочь торгует своим естеством, своим телом, иногда за доллары или рубли. Не бледней!.. Неужто думала, что эта квартира, эта роскошь, неиссякаемый поток рублей — все это можно заработать честно, головой и руками?..» — «Перестань — простонала мать. — Неужели не стыдно...» — «Чего тут стыдного! — ужалено вскричала Светлана. — Кого стыдиться? Этих оглоедов, что оптом и в розницу торгуют Родиной, судьбой всего народа, честью, славой и достоинством России. Или их прищепники, рангом пониже, которые за взятку любую задницу оближут?»

Отличительная черта сегодняшних отношений между молодыми мужчина-

Современная трагедия

ми и женщинами, о чем свидетельствуют социологические исследования, не в крепости брака, а в том, что сексуальные начала в большей степени, чем прежде, возбуждают помыслы, страсти современников, не довольствуясь прежними целомудренными взаимосвязями. Целомудренные женщины имеют две добродетели – чистоту телесную и чистоту души. И как говорили древние «*Optima res honesta*» (лат.): все прекрасное – редко. Написав эти моральные сентенции, я подумал о том, что какое бы человек не высказал суждение, всегда можно найти ему противоположное. Однажды древнего философа Сократа спросили: «Что лучше: взять ли жену или вовсе не брать ее?» Сократ ответил: «Что бы ты не избрал, все равно придется расквашиваться». Но в данном высказывании, видимо, заговорил личный опыт Сократа.

Светлана была иной до встречи с предприимчивым дельцом, ловцом неокрепших душ Антоном Дубовиком. Этот современный бизнесмен развратил не только тело Светланы, но и душу, превратив ее в искусную жрицу любви, поклонницу желтого дьявола – денег. (Грош цена тому чувству, у которого есть цена). Антон сделал ее хозяйкой «теремка», в котором собиралась «золотая молодежь», она умело завлекала в него «желторотых наследников новоявленных рокфеллеров». Посадить на иглу, обольстить молодых людей – главная задача сотрудников «теремка», а дальше наркотики сделают свое дело, т. е. нечестно заработанные деньги и ценности перетекали от родителей к детям, а от них к Антону и подобным ему.

Однажды Антон привез в «теремок» сына профессора Павла. Павел, студент, непорочный юноша, став наркоманом, искренне влюбляется в Светлану и похоже она отвечает впервые ответным чувством.

Жизнь Павла протекала вне семьи, он воспитывался и жил у деда и двух бабушек. Мать – переводчица, большей частью была за рубежом и ей недосуг было заниматься сыном, как впрочем и отцу ученому, с которым мать «Варвара-краса» была в разводе. Самое большое влияние на Павла оказывал дед, перед которым он благоговел, но дед умер, когда мальчик еще учился в школе.

Читаешь К. Лагунова и появляются мысли о том, что в мире существует некая соразмерность: нечестно нажитые деньги приносят горе как родителям, так и их детям. Самонадеянность, уверенность людей в том, что

«деньги правят миром» исчезает, когда их чадо, не испытывающий никаких жизненных невзгод, становится наркоманом. Но даже огромные деньги не спасают от наркозависимости, семейной трагедии.

Сегодня происходит отчуждение некоторой части молодежи от западных ценностей. Она начинает осознавать, что демократы-либералы создали криминогенное государство, сделали из людей пассивных созерцателей, стоящих на краю гибели и равнодушно взирающих на стремительно несущуюся Россию к обрыву, катастрофе. И если сегодня молодежь восстает против разнузданной сексуальной революции, то это можно отнести к тому, что она хочет иметь четкие нравственные ориентиры, иметь идеологическое их оформление и правовые установления.

В Рязани образовались молодежные группы самообороны, они громят дискотеки – эти исчадия ада, пьянства, где свободно можно купить наркотики и любовь на несколько часов. А что делать, если власть бездействует, а молодежь гибнет. Зайдите на любое городское кладбище и посмотрите, кто лежит под могильными плитами – одна молодежь.

Либерализация общества привела к массовой преступности, обнищанию людей, к отсутствию любви к своей Родине, ее святыням. Деньги для многих миллионов людей стали мерилом жизни. Деньги, из необходимой составляющей культуры, стали ее доминантой, уродливо искажив всю иерархию духовных ценностей.

Вспомнился рассказ В. Шукшина «В профиль и анфас». На упреки старика Ивану, что ему неохота заработать большие деньги, он отвечает: «А мне не надо столько денег. Мне чего-то другого надо». Это «чего-то» есть достоинство человека, осознающего, что деньги не являются базовой сущностью, основой жизни человека.

Автор «Самоедов» показал, что для Павла дед был нравственной крепкой. Он являлся для него незыблемым, вечным и нерушимым, способным ответить на все возникшие вопросы. С помощью деда Павел обращается к Богу, к церкви, чтобы избавиться от наркозависимости. Его молитва к Богу от отчаяния и вызывает он о помощи как человек не воцерковленный: «Господи... Ты один в силах помочь мне. Только ты. Я знаю, ты видишь и слышишь меня, и понимаешь. Не дай загинуть, протяни хоть соломинку надежды. Кинь тонюсенький лучик веры и исцеление. Слышишь? Сам буду ка-

рабкаться и очищаться от своей этой мерзости. Слезами от боли изойду. Молю тебя. Слышишь?» И Бог услышал, Павел выполз на свет и не без помощи Светланы, ставшей его женой и родившей ему сына.

В последние годы К. Лагунов в общении с коллегами часто ссылался на Библию. Мне редко приходилось общаться с ним, в основном, на литературных семинарах, где он часто задавал вопросы, касающиеся религии, словно пытался найти ответы. Его интерес к Православию – это не праздное любопытство, он замечал в сегодняшней общественной жизни то, что находилось за пределами сознания окружающих его людей. С ним было интересно беседовать на религиозные темы. А документальная повесть писателя о монахе Иринархе говорит о его не только нравственном и культурном кругозоре... Каждый период времени вносит новое проблемное содержание в повествовательную форму, в творческие устремления писателя.

Финал романа «Самоеды» трагический. Павел, мужественно преодолев невзгоды жизни и не без церкви освободившись от наркомании, не смог вынести измен любимой женщины-жены. Верующий человек не уходит из жизни по своей воле и, видимо, Павел не был таковым, его больная душа, как больное тело не находили места в обществе.

Духовная и физическая смерть Павла для писателя приобретает характер символа. И тем не менее мне кажется, что возрождение России может произойти и через религиозное сознание. Конечно, мировоззрение, нравственность людей складываются под влиянием социально-экономических условий, воспитания и образования, которые в свою очередь выступают во взаимодействии с традициями, ценностями, принципами, идеалами, убеждениями. Нужно выращивать подрастающее поколение, ориентируясь на духовную составляющую человека. Духовное воспитание человека должно стать определяющим по отношению ко всей системе ценностей. Если мы будем пренебрегать этим, то перспектива самоуничтожения человеческой цивилизации, основанной на потребительски-утилитарной основе – неизбежна.

Вот некоторые мысли, что возникли у меня после прочтения последней книги К. Лагунова.

Роман «Самоеды» издан на средства издательства «Вектор Бук» всего лишь 300 экземпляров. Роман как завещание потомкам, как последняя вспышка, что осветила сокровенные мысли писателя, обращенные к людям XXI столетия.

Станислав Ломакин,
г. Тюмень

На одном из собраний землячества Бердюжского района в Тюмени была высказана мысль о создании в «селе поэтов», в Окунёвке, районного литературного музея. Предложение нашло добрый отклик в администрации Бердюжского района. И в эти дни, с окончанием капитального ремонта в Окунёвском Доме культуры, такой музей открывается. Собраны книги, журнальные и газетные публикации, фотографии, рисунки, документы, другие экспонаты, рассказывающие о творчестве профессиональных и молодых литераторов, родившихся на земле Бердюжской, а также живущих и сегодня в этом красивом лесостепном, озерном и полевом районе, на самом юге Тюменского края.

Поэт, член Союза писателей СССР и России, участник Великой Отечественной войны Михаил Артемьевич Абрамов родом из села Уктуз Бердюжского района. Он офицер, майор, много лет прослужил в Советской армии, совмещая службу с литературной работой. Первая книга Михаила Абрамова «Первый рубеж» вышла в Костроме в 1959 году. Долгое время поэт жил в Волгограде, где у него вышло шесть книг. Песни на его стихи и сегодня звучат на сталинградской земле.

В Туле, где сегодня живёт земляк, Михаил Абрамов обучал курсантов в военном училище. Работал директором Бюро пропаганды художественной литературы в писательской организации. Здесь также вышло несколько его книг – лирические стихи и поэмы.

В предыдущем номере «Тюмени литературной» были опубликованы несколько стихотворений М. Абрамова. Продолжаем знакомство с лирикой земляка.

ГОДЫ НЕ КРАСЯТ

Сестре Валентине

Как я старею – вижу по друзьям,
По их суровым и усталым лицам.
Все знают ясно – жизнь не повторится,
Её мы расстранили по дням.

Почти у всех был горестным удел.
И если к жизни лучше приглядеться,
Она казалась доброй в пору детства,
Когда на всё ты ангелом глядел.

А после – цепь навязанных проблем,
Они нас, как чума подстерегали.
Ах, сколько нам о сладкой жизни лгали!
Кричать бы, но всяк был, как рыба нем.

А жизнь не ждёт. Бежит за годом год.
И крутишься, как белка в колесе ты!
Сменяются закатами рассветы,
А сердце всё чего-то ждёт и ждёт.

Сомненье закрадётся в черный миг,
И станет сразу жизнь неинтересна.
Уставших от обманного прогресса,
Не красит жизнь друзей мне дорогих.

И я в кругу их трепетном топчусь,
И дни свои удачными считаю,
Все где-то в гордой высоте витаю.
А ведь из нас и состоит вся Русь.
1990

* * *

Поэту Александру Николаеву

В чужой земле рука зарыта,
Могильный бугорок исчез.
А в рукаве давно, для вида,
В перчатке кожаной протез.

Ремнями крепкими прикручен,
Он к телу вроде бы прирос.
Но им не взять ни авторучки,
Не утереть, коль надо, слез.

И нынче не понятно внуку,
Как дед с одной рукой живёт?!
И больше, чем родную руку,
Протез какой-то бережёт...
1987

БЫЛ НЕУЁМНЫМ НАШ СОСЕД

Лихим был конь под королём,
Конь был отменным!
Он рассылал по странам гром
Грозы военной...
Летел огонь из-под копыт
Потоком диким.
И Карл еще был не побит
Петром Великим.
Теперь-то каждый знает швед,
Что под Полтавой
Король их был не обогрет
Победной славой.
Века прошли за годом год,
И в жизни новой, –
Знакомит всех экскурсовод
С тех лет подковой.
Давно бы ей пришел конец
В земле эстонской,
Но водрузил её купец
На стойке тонкой.
И ветер Балтики свистит
В подкове ржавой...
С другой подковой был убит
Конь под Полтавой...
Король всю жизнь играл с огнём,
Был неуёмным.
Пусть кто-то и забыл о нём,
А мы-то помним...
1884

* * *

Людей нашла капризная удача.
В глазах у них сияет яркий свет.
Мне б радоваться надо, а я плачу,
Что счастье обошло и славы нет.

В края родные возвратятся птицы,
Таков уж им завещанный удел.
К истоку не дано мне возвратиться,
Как бы того я в жизни не хотел...
1993

НА РОДИНЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Вот бы появился сам Илья!
Да сказал, как в древние года:
«Други! Это Родина моя,
Посейчас и после – навсегда!»

И вокзал здесь, словно теремок,
Белокамен, в дивной красоте!
Нет, Илья в таком бы жить не смог.
Времена – на родине – не те...

У Ильи, скорей, была изба,
Источалась солнышком смола.
Богатырский конь возле столба
Ожидал походного седла...

А теперь копытный стук давно
Не слышать по берегам Оки.
И коней удалых лишь в кино
Видят молодые земляки.

Нам с ушедшим спорить ни к чему,
Но живём мечтой мы, как Илья.
И вокзал, как памятник ему,
Пусть хранят былинные края.

Он шкатулкой показался мне –
В отблесках тускнеющей зари.
Есть же мастера у нас в стране,
Жаль, перевелись богатыри...
1985

ТАМ ОН ХОДИЛ...

М.Ю. Лермонтову

Темны заборы старой кладки,
Но сквозь зазубренные швы
Кустились шелковые прядки
Неумирающей травы.

И под беспечность птичьей звени,
И легкий шепот ветерка,
Считал я стёртые ступени,
Как отзвеневшие века.

Там он ходил! – о жгло сознание, –
Глядел на всё, как я гляжу!
И вдалеке от поля брани –
Спешил к стихам, как я спешу.

Спешил от суетной мороки,
От пустосветской болтовни...
И в тишине рождались строки, –
Опалы скрашивая дни.

И позабыв про всё наветы,
В плену духовного труда,
Он слышал разумом поэта,
Как говорит с звездой звезда!

А на листок, сквозь листья шторы,
Лилось Эльбруса серебро.
И торопясь, за мыслью споро
Скользило Гения перо...

И я, с восторгом азиата,
Читал те строки не спеша.
И виделась мне, как Собрата,
Его мятежная душа...
1982

ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ ПОЭТУ МИХАИЛУ ЮРЬЕВИЧУ ЛЕРМОНТОВУ — 190 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Творческий подвиг Лермонтова очень многогранен и трудно высветить какую-либо грань его таланта, к которой не прикоснулись бы многочисленные лермонтоведы. И всё же, перечитывая стихи поэта, думаешь: они созданы не без влияния Всевышнего.

*Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит
при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной
зеленого листка.
...Когда студёный ключ
играет по оврагу*

*И, погружая мысль
в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть
на земле,
И в небесах я вижу Бога.*

Несмотря на великий талант М.Ю. Лермонтова, данный ему от природы, он, обладая образным мышлением, создавал свои произведения, отталкиваясь от реалий жизни. Об этом свидетельствуют полярность его героев, их контрастность, которая может и связана с некоторыми резкими чертами характера поэта, но герои его не выдумка, не фантазия, а следствие контрастности самой жизни, личных переживаний и обстоятельств. В стихах, в прозе Лермонтова можно обнаружить сочетание прекрасного и безобразного, соединение воли и безволия, духа и плоти, гармонии и дисгармонии.

*В минуту жизни трудную
Теснится в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,*

*Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненья далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко.*

Многие современники М.Ю. Лермонтова удивлялись зрелости поэта и сетовали, что гениальный юноша так рано трагически покинул мир. Об этом писали Толстой, Достоевский. А критик Белинский заметил так: «Что бы еще сделал он? Какие поэтические тайны унёс он с собой в могилу? Лук богатыря лежит на земле, и нет другой руки, которая натянула бы его и пустила в небеса пернатую стрелу».

Михаил Юрьевич Лермонтов прожил всего 26 лет. Современница его поэтесса Евдокия Раstopчина писала: «Поэты русские совершают жребий свой, не кончив песни лебединой...»

Станислав Ломакин.

Свидетельство перестройки

Какова эпоха, таковы и нравы в обществе...

И все ж таки, как мало, как непростительно скудно и незаинтересованно представляем мы «дела» своих товарищей по перу. Практически каждый сегодня бьётся в одиночку за «место под солнцем», ведя с действительностью нелегкие бои. Конечно, надо заметить, книги выходят. Пусть малыми тиражами, но появляются. И все же, не говоря о прежнем массовом читателе, который опущен до потребления телевизионных мыльных опер, мы сами, пишущие, читаем книги своих коллег по перу – редко.

Так не было. Так стало.

Почему? (Смотри первую строку заметки!) Мешает и вал полуграфоманских книжек, который, увы, стал возможен в наши (не наши!) дни...

Это преамбула. Считаю, необходимая. Поскольку хочу сегодня представить читателям «Тюмени литературной» писателя, прозаика, который печатается у нас впервые.

Итак, Анавар Исмагилов. Человек известный в Тюмени. И не только. Но до недавнего времени был он для меня – бардом, автором-исполнителем, «вооруженным» традиционной гитарой, имеющий сценический успех у публики. Да еще – человек, не расстающийся с тельняшкой. Мореман! А это для нас, романтиков моря, многое значит...

С прозой Анавара Исмагилова познакомился я в альманахе «Врата Сибири». С его рассказом из поры детских лет автора, где события связаны с военной авиацией, с поселком при аэродроме в черноморской Абхазии. Рассказ был написан уверенным пером, яркими художественными красками, читался легко и вызывал ответную теплоту в душе. Разве не показатель одаренности автора!

Недавно мы вместе (я в качестве редактора) передали рукопись прозаической книги А. Исмагилова «Непрерывная птица» в одно из тюменских издательств.

Это сборник «полудокументальных», как условно обозначил автор жанр своей прозы, повестей, рассказов, очерков, эссе.

Самой крутой (без кавычек), на мой взгляд, предстаёт в книге повесть «Любовь сильнее героина». Небольшой отрывок из нее и печатаем сегодня в «ТЛ». Герои и события в этой яркой – по языку и по динамичной манере подачи материала! – повести тоже «полудокументальные». Персонажи узнаваемы, как и лирический герой-повествователь.

Изображенная действительность – начало перестройки и реформ в России и в «братских» республиках – накануне развала великой страны Советского Союза. И писатель изображает эти события жесткими и смелыми красками. Важна и авторская гражданская позиция. Позиция патриота, позиция художника, не стесняющегося показать «дно», жизнь героев повести, где порядком обесценены нравственные критерии, утрачено качество жизни. То есть то, что стало предтечей нынешних бед страны РФ и всех кровавых событий в ней.

Николай Денисов, гл. редактор «ТЛ».

КОМПЬЮТЕР ЗА ДВАДЦАТЬ ДВЕ ТЫСЯЧИ

Львов – 1990

На первые деньги вы покупаете кожаное пальто себе.

Потом вы покупаете кожаное пальто своей жене.

А вот когда вы купите кожаное пальто своей любовнице – тогда можете себя считать советским бизнесменом.

Из интервью Святослава Федорова.

ЧЕМПИОНЫ ТЮМЕНСКОГО БИЗНЕСА

Саша Вехоткин, бывший журналист, рано понял, что рассчитывать в этой жизни не на кого, и сразу же закончил романо-германский факультет Тюменского университета. Он хотел сделать карьеру синхронного переводчика, а потом заняться литературой, стать знаменитостью встретиться как-нибудь с Генрихом Бёллем, и небрежно перекинуться с ним парой-другой суждений о «Сидхартхе» Германа Гессе. Не самая плохая из тщеславных идей!

Но судьба распорядилась так, что Саша стал журналистом молодежной газеты, разъезжал по городам и поселкам Тюменской области, писал унылые посевные материалы и все больше погружался в провинциальный быт. Возвращаясь из длинных коридоров редакции на девятом этаже Дома печати, Саша печально ужинал, едва отвечая на вопросы жены, к несчастью, такой же переводчицы-неудачницы, надевал очки, валился без сил на диван и читал длинные, как пустыня Сахара, немецкие романы. Германия с ее университетами, в одном из которых он успел побывать по путевке обкома комсомола, казалась ему волшебной лесной сказкой братьев Grimm.

И тут грянула перестройка. Его друзья, дети партийных и советских работников, прозябавшие в структурах райкомов и в ассистентах, оживились и засуетились. Была дана отмашка, и комсомол начал великую битву за свободу предпринимательства от государства, налогов и населения.

Сашу взяли главбухом в кооператив. Как ни странно, дела у журналиста пошли! Фирма сидела в

подвале пятиэтажного дома и занималась (по уставу) оказанием транспортных услуг населению, хотя над их головой находилась та самая госконтора-учредитель, которая и была обязана оказывать услуги, причем по госрасценкам.

Дивны дела твои, Господи!

Дальше – больше! Накопив первоначальный капитал, Саша создал вместе с друзьями кооператив «Глубинка». Официально занимались оказанием творческих услуг, от игры на свадьбах до проведения бардовских концертов и фестивалей от имени доблестного тюменского комсомола. «Капусту» рубили мешками: народ изголодался по нормальному звуку и готов был в начале перестройки на любое представление взамен постных партсобраний и взятия соцобязательства. К тому же началась дикая биржевая деятельность. В ДК «Строитель» жуки всех мастей, от мелких шулеров до директора драмтеатра, играли в Америку. Распродавали и перепродавали все, с размахом и наглостью невиданных масштабов: стальные трубы, сантехарматуру, чугунные задвижки, сырой лес и столярку, но королями сделок были те, кто имел доступ к нефти и ГСМ. Денис Карасев, директор кооператива, сыграл по крупному раз, другой, третий, обналичил все деньги и смылся с ними в Москву. Через полгода точно так же кинул трудящихся его зам. Вехоткин приуныл, но не растерялся. Человек он был грамотный, и сразу смикитил, что в такое время, когда нет особых препятствий для подпольной деятельности, надо ковать железо, не отходя от кассы.

ПЕРСОНАЛКА

И он занялся своим маленьким, но очень прибыльным бизнесом.

В начале девяностых в стране существовал голод нескольких разновидностей, – от примитивного отсутствия каких бы то ни было продуктов питания, до товарного голода самых постыдных видов. Народные депутаты с трибуны на всю страну показывали свои дырявые носки, а мужики впервые, навер-

ное, после второй мировой войны стали собирать окурки на улицах: в стране кончались запасы табака! В гости друг к другу ходили со своим сахаром, а в ваннных комнатах лежали горы туалетного и банного мыла – про запас, и у некоторых до сих пор!

Вот тут на помощь населению и государству пришли первые предприниматели. Они ехали туда, где что-то было, и увозили это в те края, где конь не валялся. Первые персоналки только что возникли на горизонте и пользовались бешеным спросом у тех, кто уже заработал деньги на продажах, и у директоров НИИ, получавших свой процент и одновременно технику для проектировщиков и математиков.

Мы вылетели с Вехоткиным и его телохранителем Костей во Львов с целью разыскать и купить персоналку. На первых диких рынках-стадионах, особенно на границе с Польшей, можно было найти самое разное барахло, и за смешные деньги, если даже брать не оптом, а в розницу. Но техники там не было. Моя задача была простой: как местный, я должен был навести справки, указать магазин, а дальше уж как повезет.

И вот мы вместо Львова садимся в Днепропетровске, сидим там сутки в ресторане, взлетаем, кружим по воздуху, оказываемся в Ровно, и оттуда на такси попадаем во Львов. Тюмень мы покинули в глубоком снегу, а здесь уже вот-вот должны были зацвести магнолии. Такси прогрохотало по брусчатке, свернуло с трамвайной линии на крутую улицу Менделеева и остановилось у подъезда. На второй этаж вела длинная лестница. Мы подтащили сумки и гитару к дверям, и я, задыхаясь, позвонил в дверь. Пауза. Потом знакомый крик Мордовского кому-то в сторону, на ходу. Резко открылась тяжелая створка. Поэт-самописец держал в левой руке дешевую дымящуюся сигарету. Передних зубов кое-где не хватало. На верхней губе выросли отвратительные гитлеровские усы, а на подбородке – не менее приятная бородка подковой, как у подлеца Зуриты. Он явно оторопел и даже подался назад, когда я по глупой всегдашней привычке полез обниматься.

— Приехал? – заорал он, опомнившись, – а у нас тут как раз Сеня с Люськой. Прошу в дом, господа, – жеманно произнес Мордовский, раскланиваясь с Вехоткиным и Костей, – мой дом – ваш дом. (Когда он видел незнакомых людей, то его милое всегдашнее хамство пряталось под невероятным добродушием и политесом).

Поднялся шум. Кучерявый Сеня, заросший до бровей рыжим волосом, помог затащить сумки, забросил их в комнату, мы сняли надоевшие зимние одежды и уселись на кухне. Чернявая Люська все время по-дурачки хихикала своим башкирским басом. Все срочно закурили. Мы с Костей, мастером спорта по вольной борьбе, только морщились и выходили на громадный балкон подышать свежим воздухом.

После недолгого общего знакомства за чаем Вехоткин позвал меня в комнату и попросил не терять зря времени. Серега по своей всегдашней привычке сразу вспомнил десять явно несуществующих крутых связей, из которых одна все же могла нас заинтересовать: главный инженер военного радиозавода, его тесть. Правда, как всегда, оказалось, что живет и работает как раз в том самом Ровно, откуда мы прилетели, и вот «если бы вы мне оттуда позвонили...» В общем, приходите вчера, – видишь, кости от барана лежат, шашлык кушали. Саша вежливо промолчал.

ВЕСЕЛАЯ ПЬЯНКА С МОРДОБОЕМ

В результате переговоров выяснилось, что нужно сделать экскурсию по городу и обязательно выпить. Без этого никакой компьютер не образуется. Толпой мы вывалились из мутного подъезда с современными витражами и пошли вверх по Менделеева и направо, в центр. Бродили около часа, разглядывая облупленные остатки австрийско-польского владычества. Саша слушал байки Мордовского с непроницаемым лицом, заходил во все магазины по пути, купил комбинезончик сыну Филиппу и джинсы жене, – то и другое за бешеные тогдашние деньги. Наши девушки восхищенно помалкивали. В кавярнях, кроме кофе, он молча покушал всем

Анвар Исмагилов

тягучий абрикосовый ликер, а себе брал пятьдесят граммов коньяку. Ароматный дым витал над столиками. Польско-украинский Вавилон шумел, смеялся и плескался в душно каменном мешке. Искомая техника не обнаруживалась. Серега с важным видом все куда-то звонил, но безрезультатно.

Некурящий и непьющий на службе Костя-великан исправно исполнял должность телохранителя и явно скучал. По первому обманчивому впечатлению он думал, что в столице Западной Украины и охранять особенно нечего. Но он сильно ошибался: например, один из наших знакомых, бутлегер Миша-гусар из компании Юры-карманника, поссорился после очередной пьянки с женой, и начал ее бить. Конечно, дама она была еще та, и, как и муж, знала вкус лагерной баллады, но не настолько же, чтобы ее резать! Миша вошел во вкус, пырнул ее раз, другой, она потеряла сознание, и он ее добил. Представьте себе, все это происходило у них дома, посреди бела дня. Вот Миша закончил шекспировскую сцену и задумался. Милицию вызывать он не собирался: не объяснишь же им, что она, стерва, специально упала на нож и получила восемь ранений! Аккуратно разделав любимую жену на куски, он распределил ее по пакетам, вынес на мусорку, прикрыл сверху всякой дрянью и вернулся домой. На его несчастье, собаки тут же разгрызли пакеты и начали питаться человечесиной. Дворники подняли тревогу, вычислили Мишу-гусара, но мили-

ция не сумела его взять: пока ломали тяжелые дубовые двери с тремя засовами и замками, он спокойно ушел через черный ход по задним дворам и скрылся в тумане вечности, точнее говоря, Всесоюзного розыска. Скоро не стало и Союза – ищи-свищи.

Мы вернулись на Менделеева с двумя огромными сумками. Херес крымский, мадера оттуда же, белый портвейн все с той же благословенной земли, гнутая краковская колбаса и мокрые корявые сосиски по талонам, разноцветный мармелад для детишек, чудовищные сигареты «Ватра», требующие подсушки на газовой плите, – небогатые дары эпохи повального развала всех и всяческих связей и устоев.

Началась на кухне веселая пьянка. Дымище стоял непроходимый. Я попросил Олю увести Аньку в комнату, чтобы не отравить ее окончательно, – мало ей, что ли, куряк-родителей. Разговор шел беспорядочный, и все более горячий. Как-то незаметно большая часть наших бывших, как я тогда думал, торчков, напилась и забалдела. Сумка пуста стремительно. Я, как опытный фехтовальщик со стажем, сходил в комнату и отдал Оле в спальню два пузыря портвейна – на всякий случай, на утро.

А веселье принимало уже угрожающие размеры. Как мне потом рассказали сами же львовяне, наркоман иногда может не колотиться и пить вино или водку, но мозги у него сразу съезжают набекрень. Так и вышло. Боря Черный, рассказывая о взятии Рима вестготами Алариха, упал под стол, зацепил по дороге бутылку и разбил ее вдребезги, но умудрился не порезаться, лежа посреди осколков и хлебная портвейн прямо с пола. Он продолжал рассказывать о штурме нашим ногам, не обращая внимания на изменение интерьера.

Мордовский восторженно орал и матерился, пел польские песни под гитару, и все пытался в очередной раз подраться с соседом по коммуналке Тарасом, жутким деревенским роголем боксерского вида. Оксана Ивановна Менделюк меланхолично курила дамские сигариллы и только изредка вставляла едкие замечания в общий разговор.

Сеня ругался с Люськой, возбужденно блестя отелловскими глазами. Ему почему-то казалось, что она смеется над ним, но у нее это была всего-навсего нервная гримаса...

Тюменцы сидели в дальнем углу и удивленно разглядывали дикинское собрание алкашей-интеллигентов. О наркомании они тогда знали понаслышке. Костя тихо попрекал Сашу за излишнюю щедрость. Я и сам, признаться, был удивлен таким результатом: в Ростове с этими же чуваками и чувихами мы пили помногу и в удовольствии, перемежая ароматную влагу стихами и песнями.

Мы с Сашей сходили в комиссионку – взглянуть на кварцевые часы и прицениться. Не найдя ничего подходящего, мы вернулись, и уже на лестнице по крикам поняли, что все-таки что-то случилось. Сосед стоял в коридоре, прижатый к стене могучей Костиной рукой, а Мордовский прыгал вокруг, пытаясь ударить Тараса в лицо. Костя умудрялся держать соседа и длинной ногой отталкивать Серегу. Увидев нас, он нервно крикнул:

— Вы куда ушли, что за херня?! Принимайте этих мудаков, мне надоело. – И он отпустил Тараса. Тот рванулся вперед, по-крестьянски справа заехал в ухо Мордовскому, пихнул его в грудь, и убежал к себе. Из-за тяжелой двери он еще минут пять изрыгал страшные проклятия на весь род и потомков Сереги, не забыв и про нас.

Я поднял из-под стола Борю Черного, вытащил его на балкон и оставил сушить весла. Мордовский мрачно курил сто седьмую сигарету. Его левое ухо наливалось багровым светом. Сеня с залитыми кровью глазами уже пихал Люську в грудь, припоминал ей какие-то страшные грехи и грозил разбить ей фэйс по возвращении домой. Я оттащил его на другую сторону стола и ушел с Серегой в комнату – разбираться с покупкой персоналки.

СЕНЯ + ЛЮСЬКА = ?

Минуты через три я почуял недоброе и побежал через темный коридор на кухню. Подоспел я вовремя. Сеня, бывший акробат, обладал немалой удельной силой удара на квадратный сантиметр. Люська,

очевидно уже ничего не соображая, продолжала все так же глупо ухмыляться, а обычно добрейший Сеня, расшвыряв до полоумия, все сильнее ударял ее в грудь, а когда я вошел, залепил ей слева пощечину. Люськина голова качнулась и вернулась на место. Она с трудом, но по-башкирски упрямо выговорила:

— А вот и не больно. А ты скотина, животное из отряда порнокопытных, мудака, мудака ты, бездарь...

Сеня еще больше расшвырял и, не обращая внимания на мои уговоры, залепил ей еще пару пощечин и перешел к активным боевым действиям. Пока я огибал стол, он умудрился дважды заехать ей кулаком в лицо и попал в нос. Хлынула кровь. Я только успевал оттащить Сеню, а он, маленький, огненно-рыжий, как молния, сжатая в пружину, подскакивал и бил Люську. Моя масса была все же больше. Я развернул его в сторону, повернулся к Люське и едва успел подставить руку под Сенькин кулак. Ладонь смягчила удар, но Люська аж захрипела. Я схватил Сеню, заломил ему руку, вытащил из кухни на балкон и запер изнутри дверь. Изумленный Боря, придя в себя, таранился на разъяренного Сеню и никак не мог понять, где они находятся и почему. Я позвал Олю, мы остановили кровь перекистью водорода, обмыли распухшее прямо на глазах Люськино лицо, и вызвали такси. Сеня, выпущенный с балкона, опомнился, схватился за голову, ползал на коленях вокруг стола и просил у Люськи прощения. Саша и Костя, резонно предоставив нам самим разбираться между собой, играли на каменном балконе большой комнаты в дурака.

Мы снесли ослабевшую Люську вниз. Подошла машина с шашечками. Шофер, увидев трех мужиков, несущих побитую бабу, тут же дал по газам и уехал, что-то крича изнутри. Пришлось искать частника. Еле мы уговорили русского мужика на «Москвиче-412», объяснив травмы падением с крутой лестницы. Он понимающе кивал, тем более, что мы ему пообещали два червонца за доставку полутрупа на Зеленую, метров за восемьсот от Мен-

делева. Отправив домой рыжего Отелло с его непутевой Дездемоной, мы с Олей вернулись в квартиру. По пути я спросил:

— И часто у вас такое случается? Это что за пролетарские нравы?!

— Ой, не говори, — как-то фальшиво вздохнула Оля, — раньше такого не было, а сейча-а-а-с...

— Ну, а Серега как, не торчит?

— Спроси чё-нибудь полегче, — более искренне ответила Оля и замолчала.

— Понятно, — сказал я, так толком и не поняв, что она хотела сказать.

Под конец творческого вечера пришлось разбираться еще и с милицией. Сосед вызвал наряд по телефону, и нас начали проверять, запугивать, но сам Тарас до того напился, что, пока объяснял мотивы своего звонка, запутался в глаголах, и его самого повязали. Пока его таскали по лестнице, Саша философски заметил:

— Всякому по делам его воздается...

УХОДЯ ОТ ПОГОНИ

Утро следующего дня было хмурым. Трещала голова, от физических упражнений болели мускулы. Мы с Мордовским спустились вниз, в пивной погреб «Мюнхен», и взяли трехлитровую банку пива. Пока опохмелялись, Мордовский сидел на телефоне и все куда-то звонил, демонстративно и безрезультатно. Вехоткин докурил сигарету, тщательно утоптал ее в разбитой мраморной пепельнице и сказал:

— Сидеть-то хорошо, однако дело делать надо.

Мы пошли в центр. На улице Комсомольской, в тихом закутке, работала комиссионка. Мы зашли внутрь, и Саша преобразился. Четырнадцатидюймовый монитор, отливая изнутри матовым черным экраном, стоял на верхней полке. Продавец оживился еще больше. Глазенки у него забегали, и, пока Саша смотрел в документы, работник торговли все порывался куда-то позвонить (стукнуть бандитам, что лохи технику забирают). Но опытный Костя перегородил проход мощной борцовской мышцей и на все просьбы отвечал:

— Подождешь.

Саша перебрал документы и сказал, что дорого. Компьютер АТ/ХТ-286 стоил 22 тысячи советских рублей. Мы вышли из магазина, и Саша, отойдя достаточно далеко, обратился ко мне:

— Вечером надо найти машину, будем брать.

День мы провели в беготне по рынкам и магазинам. Часа в четыре я договорился с черной «Волгой» о поездке. Мы появились в магазине без пятнадцати пять, и Саша с порога приказал тому же самому продавцу:

— Заворачивай, и побыстрее!

Он расстегнул куртку, и я понял, почему он не снимал ее днем и ночью: по всему периметру шел широкий пояс, набитый пачками денег. Саша методично вытряхивал и раскладывал полтинники и четвертаки, а Костя просто залез внутрь, за прилавок, скрестил руки на груди, и мрачно приказал:

— Ты давай, бабки считай, наяривай! А я здесь пока постою. В глазах у продавца стояла смертная тоска. Мобильников тогда не было, да Костя и не дал бы звонить, а персоналка была, вероятно, самой лакомой приманкой для лохов. А тут приехали какие-то быки, да еще со свирепым кавказцем (я по просьбе Саши не брился три дня), и труженику прилавок предстояли разбирательства с работниками ножа и топора.

Вехоткин и Костя упаковывали компьютер, а я подогнал «Волгу». Водитель был из обкомовского гаража и сразу понял, что, если за нами будет погоня, то и ему достанется на орехи. Мы уложили коробки в салон и багажник, втиснулись сами, и Саша крикнул:

— Гони, братан!

Продавец выбежал из магазина и смотрел нам вслед, пытаясь определить маршрут. Костя оглянулся, согнул правую руку пополам, перебил ее левой и показал ему бессмертную фигуру. Мы покружили по центру, проехали несколько переулков и кружными путями, верхом, добрались до Менделеева. Вчетвером стремительно забросили груз наверх. Саша вручил водиле полтинник и кратко напутствовал:

— Где был, — забудь!

Вехоткин и Костя уехали в аэропорт за билетами, а я с газовым пистолетом и дубинкой уселся сторожить компьютер. Оля с Мордовским пошли в «ОХМАТДЫТ» — священное заведение в дальнем парке, «дэ охороняють матэрынсьтво тай дытынсьтво». Мало им было Аньки, так еще надумали второго заводить! Но сейчас это было нам на руку: лишние свидетели не нужны. Я даже не подходил к телефону.

Под вечер в дверь позвонили, но, явно не свои. Я подошел на цыпочках, прислушался. Стояла опасная тишина. Снова звонок, понастойчивей. Глазка в двери не было. Я ушел в комнату, взвел затвор. Осторожно выглянул с балкона, — внизу стояла машина, — потихоньку прикрыл окно от греха подальше и задумался. Если начнут штурм дверей, то мне одному не справиться. Милиция, конечно, недалеко, но толку от нее, как от козла молока. Да и виноваты окажемся, в конце концов, мы, москали. Со своими менты всегда договорятся.

В дверь звонили — теперь уже непрерывно. Я решился, переложил пистолет в правую руку на уровень взгляда, поставил дубинку возле двери в сортир и рывком открыл дверь с криком:

— Ложись, падлы!

Костя еле успел отскочить в сторону.

Он многозначительно покрутил пальцем у виска и прошел в комнату, волоча громадные сумки с вещами и продуктами. Вехоткин одобрительно хлопнул меня по плечу и пошел на кухню заваривать чай. Он был чемпионом Тюменской области по каратэ-до и мог оценить мои усилия.

К вечеру на запах жареной свинины собралась прежняя братия, да еще друзья друзей и знакомые их друзей. Поголовно — торчки! Но время было голодное, и приходилось, как в старые времена, пить портвейн. Самолет уходил ночью, и Вехоткин с Костей вынуждены были терпеть веселье до отъезда в порт. На этот раз повезло. Братия была настроена мирно, и до мордобоя дело не дошло.

НОЧНАЯ ВЫЛАЗКА В ГИНДУКУШЕ

**Подвиг, даже если он не отмечен
наградой, остается высшим
проявлением человеческого духа**

За нашу Советскую Родину!

ЛИСТОК

КОМСОМОЛЬСКОЙ

СЛАВЫ

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
ИГУМНОВ
АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Писатель Александр Игумнов – сегодня

Владимир ФОМИЧЕВ

Судьба свела меня с этим человеком пятнадцать лет назад в Ханты-Мансийске, на семинаре молодых литераторов. Уже тогда известный хантыйский писатель Е. Айпин выделил своеобразный талант молодого прозаика, пишущего на афганскую тему.

Мне было интересно общаться с участником боевых действий, слышать от него жесткую правду войны. Александр Игумнов терялся, бледнел, когда я расспрашивал его об участии в боях, и переводил разговор на другую тему. Признаюсь, это меня немного удивило. Ведь, не секрет, что в период вывода советских войск из Афганистана было модно «косить под афганца». Особенно усердствовали те, кто и близко не нюхал пороха. А тут офицер, летчик и – ни слова о себе.

Позже я узнал невероятные для гражданского человека вещи. Оказывается, Александр в Афганистане «работал» в специально подобранном звене асов-вертолетчиков, которые, кроме десантирования, переброски боеприпасов, вывозки раненых, выполняли и специальные задания – так называемые целеуказания: наведение бомбардировщиков на банды душманов, нанесение бомбо-штурмовых ударов по живой силе противника, высадку глубинных групп разведки, взятие и уничтожение караванов с оружием. Игумнов имел боевой налет свыше 800 часов, тогда как за общий налет в 450 часов было принято награждать летчиков орденами, но Александр не имел таковых ни одного. Потрясающий этот факт был совершенно необъясним. Тогда же, в условиях афганской войны экипаж Козлова и Игумнова первый из советских вертолетчиков в условиях афганских гор, спасая раненых солдат, совершил ночную посадку в горах. Этот подвиг сравним с делами воздушных асов чкаловских времен и Великой Отечественной войны, но наградами он отмечен не был.

Шли годы. Александр Игумнов служил и писал рассказы уже не только про Афганистан, но и Чечню, куда правдами и неправдами добирался несколько раз. Был чуть не сбит в чеченском небе, неофициально летал в экипаже легендарного Героя Советского Союза полковника Н. Майданова – друга и однокашника по Саратовскому военному училищу летчиков. Его он проводил в последний путь на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга и прямо оттуда вместе с друзьями-побратимами вновь улетел в Чечню воевать с «духами».

С кем только он не встретился на своих военных тропах! От рядовых до маршалов. Вот краткий список известных не только в офицерской среде фамилий – маршал Ефимов, генерал армии Варенников, бывшие командующие афганской 40-й армией генералы Громов, Ермаков, Говоров, герои Чечни Трошев, Казанцев, Шаманов, деятельный председатель Союза ветеранов России Фриц Клинецвич и многие другие.

У Александра нет наград. Словно он не был ни

в Афгане, ни в Чечне. Погибший полковник Майданов хотел представить Игумнова к ордену, но Александр сам его отговорил. Стыдно, мол, за дырку в вертолете получать награду. Но все равно Майданов выдал справку, что Александр в декабре 1999 года и январе 2000 года осуществлял информационное обеспечение полка. В этот период шли самые активные бои за Грозный, и ведущий телерепортер российского канала Александр Сладков запечатлел Игумнова в обществе генерала Шаманова около поселка Урус-Мартан. Много чего интересного в его архиве. Но нигде и никогда Александр не рассказывал о своей ночной посадке в горах, стыдился, что не поверят, скажут – прихвостнул. Как-то еще в конце восьмидесятых годов ему заявили:

«Парень, за это Героя дают». И он замолчал на целых полтора десятилетия!

И вдруг исповедь передо мной:

– Обидно, конечно. Но «железяки» и сегодня для меня ерунда. Как говорят, за державу обидно. По телевизору слышу: американцы снова галопом в Книгу рекордов Гиннеса скачут. Выясняют, кто же впервые в мире посадил вертолеты ночью на необозначенную площадку. Думают, это они в Ираке. Наши думают: не в Чечне ли? Вот уж этот российский бардак! Поройтесь в архивах, поищите приказы, живых свидетелей и участников. Могу с гордостью сказать, официально заявить – этот факт произошёл двадцать лет назад. Мы сели на необозначенную высокогорную площадку в условиях боевых действий. Получили тогда несколько пулевых пробоин, которые быстренько залатали и, как говорят, – снова в бой. Это произошло в начале октября 1983 года.

Увы, летную книжку, где было у меня все записано, вместе с другими документами украли. Командир полка полковник Томарев умер через несколько лет после возвращения из Афгана – сердечный приступ. Но я все же нашел документ!

Александр держит в руках копию небольшого «Листка комсомольской славы», где черным по белому напечатано о нем самом и той легендарной ночной посадке. Слева небольшой снимок, где он – молодой, красивый – в гермошлеме в кабине вертолета. А на обратной стороне синяя гербовая печать в/ч 22630, подписи командира полка Томарева, начальника политотдела полка Кузнецова и число – 7 октября 1983 г. А выше, привожу дословно, текст: «За достигнутые успехи в боевой и политической подготовке награждается ст. лейтенант Игумнов Александр Петрович».

Выражаем уверенность в том, что вы и впредь будете служить примером добросовестного исполнения своего интернационального долга».

На вопрос, откуда такой документ, Александр уже весело смеется:

– У бабушки в деревне обнаружили в кипе старых фотографий. Бог, как всегда, в трудную минуту, помог мне. Перед отъездом из отпуска просматривали фотографии, и тут вдруг моя физиономия в «гермике» появилась. Я сам первый раз узнал, что командование полка, кроме благодарственного пись-

ма, направило моей матери и эту, ставшую сегодня документом публикацию. Письмо я тоже не читал, где-то затерялось у моей мамы, а жена унесла своим родителям этот документик, показать зятю. Там оставила и забыла... И вот случайно нашли... Двадцать лет я молчал. Конечно, обидно: почему только меня напечатали, а других летчиков забыли?

Вы представьте: глубокая, темная ночь, ущелья, долины, каньоны, стрельба «духов» – все делаешь вслепую! Володя Козлов лишь только выполнял мои штурманские команды: где снижаться, набирать высоту, разворачиваться. Борттехник сидел, обхватив голову руками, был живым заложником моих решений и точности их выполнения командиром. Полградуса влево, полградуса вправо, метр вперед, метр назад, а кругом горные пики, вершины, которые то теряешь, то ловишь взглядом. На стрельбу «духов» по нам совсем внимания не обращаешь – не до них и о смерти нет времени подумать. Бешеное напряжение мозгов и глаз!

А потом взлет с тяжелоранеными бойцами. Судьба их, экипажа – только в моих руках. В первую ночь две посадки и первые сединки на висках друзей. Им было страшнее, а мне некогда было бояться, надо было думать и мгновенно принимать решение. Позже днем, когда десантура разобралась с «духами», я летал туда посмотреть и, честно скажу, ни тогда, ни сейчас не могу понять, как мы не разбились.

Днем к нам понабежали политотделовцы – так появились этот боевой листок, письмо матери. Немного это дело раскрутили, начальники получили ордена, один – орден Ленина. Кстати, он той ночью даже на СКП не был, а мирно спал в модуле, но все равно: за умелое руководство...

Я тоже получил – разрешение приобрести японский магнитофон за собственные деньги, но вне очереди! Это как в фильме. Офицеров там красными революционными штанами награждали, а здесь – магнитофоном.

Теперь, когда на руках есть подтверждение ночной посадки, надо утереть нос американцам. И не только им – всей «чубайсовской» шушере и олигархическому жулью. Пусть хоть разок съездят к летчикам, спецназовцам, десантуре в Чечню и тогда поймут, где и как куется русский характер.

Нас окунули в дерьмо, только не надо тонуть, захлебываться, кричать караул – надо перестать хлебать его, стиснуть зубы и выкарабкиваться, выкарабкиваться... Надо поднять престиж армии, и кому это делать, как не нам, писателям, понюхавшим пороха. Не все у нас так плохо, как хотелось бы кое-кому. И эту посадку в горах сделали мы – Русские! Вот давайте вместе напишем об этом, зафиксируем факт, пока есть свидетели и участники тех событий.

Александр закурил очередную сигарету, и было видно по его тревожным глазам и порывистым движениям, как нелегко ему далась исповедь, задержавшийся на двадцать лет искренний разговор. Вдруг он совсем весело засмеялся:

– «Железяки» – пустое. Главное, я могу писать на эту тему. Писать правду.

Доктор, останьтесь...

(Рассказ-быль)

I

Дома от третьего этажа постепенно растворялись в маслянисто-сизом тумане. Тусклый свет их окон, размытые фары транспорта, радужные круги уличных фонарей мешали время в одну сплошную серую массу. Мороз соединял здания, машины, поезд, заставляя людей, покинув одно, торопиться к другому. Вагоны промерзли настолько, что казалось – иней, покрывающий сцепку, держит весь состав. Холод не думал выскидывать лазейки, напрямую проникая сквозь теплую одежду и обувь, покусывал тело.

Выйдя на платформу, Нина почувствовала, что начинает застывать. «И чего не открывают вагон?» – спросила-пожаловалась Косте, стоявшему рядом и, спокойно оглянувшись, ища глазами Максима с Олечкой.

– Дети, вы не замерзли?

Два колобка, даже здесь затеявшие свою обычную возню – смесь из догонялок и прятков, катались по перрону. Пар, вылетая из пещерок для глаз и носа, висел сам по себе, безнадежно отставая от них. «Не-е-а», – дружно крикнули, пробегая рядом.

Скрипучий треск промерзших дверей тамбура еще больше уплотнил пассажиров перед ступеньками. «Дайте, пожалуйста, пройти!» – раздалось сзади и все, как по команде, повернулись. Молодая женщина в пушистой шубе до пят и большой мохнатой шапке плыла, неся впереди себя свой живот. Муж бережно поддерживал ее под руку. «Недель тридцать шесть», – профессионально прикинула Нина, делая шаг в сторону. Вся очередь повторила движение. Образовавшийся коридорчик проводил пару до подножек. Понимая, что держит людей на холоде, беременная торопилась, как могла. Остановившись перед входом, шепнула мужу, и он поднял ее ногу на нижнюю ступеньку. «Володя, Оля!» – раздавшийся крик заставил их резко повернуться на зов. Мгновенья, на которое он отпустил жену, оказалось достаточно, чтобы она медленно завалилась на бок.

Двое мужчин помогли Володе под-

нять ее, и она забралась в вагон. Следом поднялась их мама с пакетом в дорогу, расстроенная больше всех за свой неурочный оклик. Маленькая толпа перед входом, не мешкая, потянулась к спасительному теплу.

Костя и Нина, стоявшие чуть поодаль, отметили мелькнувшую бледность лица молодой женщины.

Володя вышел из вагона последним, прыгнув с поднятой площадки тамбура к ожидавшей на перроне матери. Ольга что-то написала пальцем на стекле и со спокойной улыбкой вернулась в купе.

«Кажется, все обошлось», – подумала про себя Нина, ехавшая по соседству, через стенку, и забыла о происшествии. Предотпускные хлопоты последних дней, сменившиеся обычными дорожными мелочами, постоянная возня детей, предстоящая встреча с родными овладели ее мыслями.

II

Поезд отстукивал станцию за станцией. Замерзшие окна едва пропускали свет. Набегавшие дети, под вагонный полумрак, утихомирились каждый на своей полке. Уснула и Нина в тишине большой сургутской стоянки. Внезапно резкий толчок замененного локомотива, который как могучий конь сдернул всю упряжку, разбудил не только ее. Где-то испуганно заплакал ребенок, впрочем, почти сразу успокоенный. Дочка, как Ванька-встанька, села на своей полке и сонно огляделась вокруг: «Мы уже приехали? Мам, мы уже приехали?». Один Максим невозмутимо повернулся на бок, не открывая глаз: «Нет. Еще долго. Спи, Оля». Мать улынулась и подтвердила слова сына: «Спи, спи. Мы только в Сургуте». Состав потрескивал, набирая ход. Забитый под завязку вагон, переваливаясь с рельса на рельс, как объевшаяся утка, был заполнен обычным дорожным шумом. За часовую остановку все успели разложить постели, переодеться и пообщаться к неизбежно-долгой монотонности пути.

Шелест книг и газет под негромкие разговоры влетался в синтетический треск разворачиваемых пакетов с едой и звяканье ложек. Шорох домашних тапочек в проходе удивительно гармонировал с приглушенным скрежетом промерзшего металла, доносившегося снаружи. Компания вахтовиков из дальнего купе, добавляя свое, завершала плетение общего звукового ковра. Не очень красивого но, увы, неизбежного как дорожка-зетка на пороге какой-нибудь фирмы. Эти, привычные уху звуки, переставешь замечать почти мгновенно.

Разорванный сон не хотел склеиваться. Летая кусками, он ненадолго отключал Нину и вновь возвращал в купе.

В один из промежутков послышался звук – очень странный, совсем из другого места, другой жизни. Его здесь не могло, и не должно быть вовсе. Он, как выключатель бестеневого лампы, щелкнул и зажег холодно-волнительный свет операционной. Его тревожный блеск, идущий из-под сознания, заставил открыть глаза и прислушаться. Обычный, разноцветно-аляпистый звуковой коврик продолжал выстилать путь.

«Ослышалась, что ли?», – и, закрыв глаза, стала поворачиваться. Но звук повторился. Сомнений почти не осталось. Хоть очень тихо, но рядом, за стенкой купе, она уловила стон. Наружу рвались не обычные страдания человека. Стон-вдох, стон-выдох, полный ожидания, надежды, стеснительности, страха и уверенности одновременно. Его приглушенность и сдержанность обмануть не могли – так стонут только женщины в родах. Тихий, неслышный другим, звук за перегородкой сквозняком выдул плавающие вокруг остатки сна. Она села, обхватив руками колени, и огляделась. Притушенный свет размывал силуэты ходивших людей, делая их почти невесомыми. Нина поймала себя на мысли, что не может вспомнить, какие тени бывают в родзале, почти сразу догадавшись, что их там просто нет.

Движение за стенкой заставило насторожиться еще больше. Одна из пассажирок, почти бегом, стараясь не шуметь, скользнула мимо и так же быстро вернулась. Вслед за ней пробежал проводник. Отдельные слова не различались, но тревожный тон, их суетливая ходьба в обоих направлениях выдавали явную обеспокоенность. Нервный поворот головы проводника, растерянные его жесты шелотом что-то объяснявшего взволнованной женщине, окончательно убедили, что стон не причудился.

«Эх, был бы доктор!» – долетевшая фраза из обсуждения заставила подняться с полки. «Да-а, весело начинается отпуск», – глубоко вздохнула, обуваясь.

На открывшуюся дверь в служебное купе обернулись оба, и Нину поразило бледное, осунувшееся лицо проводника. «Что вы хотели?» – с досадой человека, занятого крайне важным делом, спросил он.

– Я врач, – короткий ответ зажег в его глазах свет надежды.

– Какой врач?

– Гинеколог.

Не веря до конца в такое везение, он покачал головой, расплываясь в улыбке, развел руки вверх в стороны, резко бросил их: «Вот это да! Как Вас зовут?».

– Нина Михайловна.

– Меня – Азам. Понимаете, у нас в

вагоне женщина. Беременная. У нее там что-то не то, — и, помолчав, растерянно добавил, — а я вот не знаю, не разобрался...

— Да и не стоит. Давайте уж лучше я попробую, — усмехнулась Нина и спросила стоящую рядом женщину, — а вы кто?

— Нурия Ахатовна, фельдшер, но в роддоме не работала никогда.

— А свои дети есть?

— Трое.

— В училище в родзале бывала?

— Конечно. И роды принимать помогала.

— Ну, вот и ладно. Прорвемся, — и повернулась к проводнику, — В вагоне аптечка есть?

— Нет.

— А в поезде что-нибудь похожее на медпункт или хотя бы на медуголок есть?

Винноватое молчание сняло дальнейшие вопросы.

— Нда-а-а... Давайте для начала переведем ее к вам в купе.

III

Этой ночью, как видно, ангел-хранитель Ольги и её пока не родившегося ребенка, тоже не сомкнул глаз.

Наедине с ней Нина Михайловна узнала, что до родов оставалось еще больше месяца. Все шло благополучно и, отъезжая на праздники к матери в Екатеринбург, даже не взяла с собой необходимые для беременной документы. Возвращаться собиралась с мужем, который приедет за ней через пару дней. Если бы не досадное падение у вагона. И это еще ничего. Она все время лежала, и боль с тяжестью в пояснице прошли. Но резкий толчок состава в Сургуте стал той самой каплей... После испуга вернулась боль, и вскоре отошли воды. Теперь счет пошел на часы.

По маршруту из всех станций лучше всего доехать до Тобольска. Хотя положение позволяло, но «Скорую» на следующую остановку она все же заказала. Вагон насторожился, даже вахтовики притихли. Азам попросил их поделить бутылкой водки, поскольку спирта, нужного в таких случаях, не было.

Страшно возгордившись оказанной услугой, один из них обратился к Нине:

— Здравствуйте, меня зовут Порфирий Иванович.

— Я почти счастлива. И что?

— Ну, как там?

— Где?

— Ну, там... У женщины. В купе, — уже менее уверенно продолжил Порфирий. Он держал в руках паспорт, желая доказать, что его зовут именно так.

— Точно не знаю. Идите, посмотрите.

— Да нет, это же не буровая вышка, — совсем смутился он.

— Что верно, то верно. Не буровая, и не вышка.

— Ну ладно. Я пошел. Ну, вы это... Если чё... У нас еще есть, — Порфирий смутился окончательно.

— А мы и не сомневались, — проводив его этой фразой, Нина жестом пригласила сидевшего в стороне проводника. — Белье под пеленки найдешь?

— Найду.

— Приготовь пару комплектов и раскопечгарь титан, нагреть их. Пока Азам суется, она подошла к Ольге. Боли почти стихли, и казалось, все закончится в Тобольске. Но, увы...

На подъезде к станции Нину, стоящую рядом с окном, окликнула Нурия:

— Зайдите, кажется, началось.

Поезд уже останавливался у маленького вокзала. Поворачиваясь, Нина заметила «Скорую», вплотную подъезжавшую к вагону.

— Ну, вот и хорошо... — облегченно вздохнула она, входя в купе, и осеклась.

IV

События развивались стремительно. Трогать Ольгу было нельзя, начались непрерывные схватки. Приехавшие врач и фельдшер, казалось, это понимали тоже, и она ушла. Ночной вагон посапывал, потихоньку бормотали вахтовики. Можно было лечь, но удерживала странная тишина в дорожном «родзале». Движение там должно быть в самом разгаре. По опыту она знала это хорошо. И тревожило еще что-то. Нина вдруг поняла — медики были налегке! Возвращение в купе ее просто ошеломило. Они спокойно сидели рядом с Ольгой. С тихим бешенством она спросила:

— Простите, доктор, а вы кто?

— Я — гинеколог.

— Очень хорошо. А что вы привезли с собой для мамы и новорожденного? Набор для обработки пуповины с собой?

— Нет.

— А чем шить в случае разрывов?

— Нет.

— А обработать ребенка, или, хотя бы вернуть его?

— Нет.

Худшие подозрения подтвердились: готовности не было.

— Послушайте, Вы как собирались? Что, не передали куда вызов?

— Передали.

— Так и что? Вы совсем ничего не захватили?

— Взяли. Вот, — и доктор показала прозрачный пакетик одноразовых пеленок, больше подходящих для подгузников.

— Так что Вы собираетесь с ними делать?

— А что нужно-то? — растерянно протянула доктор.

— Послушайте, Вы хоть понимаете, что вызов сделан на Вас, и Вы отвечаете за две жизни? Я-то здесь совершенно посторонний человек. Формально — меня здесь просто нет. Работайте, не надо сидеть.

Отбросив условности, она объяснила как вести такие роды и хотела уйти, но Ольга буквально взмолилась: «Доктор! Нина Михайловна, я прошу Вас. Доктор, останьтесь...»

— Успокойся, Ольга. Я, конечно, останусь.

Вот когда пригодились и пеленки из простыней, и бутылка водки, и перчатки с марлей запасливой Нурии, и даже ножницы, которыми та в обычной жизни

стригла волосы. Нашлось почти все необходимое.

К счастью, и Ольга оказалась понятливой. Она всё делала как надо, схватывая на лету распоряжения Нины Михайловны. Нурия Ахатовна помогала, будто всю жизнь работала в роддоме. Все трое были на высоте того нервного напряжения, которое дает спокойствие в работе, отточенность необходимых движений, взаимопонимание и внутреннюю уверенность в успехе. Уже минут через пятнадцать рядом с обессиленной мамой лежал кричащий комочек с именем Полина, завернутый в простынку, подогретую проводником. А он в очередной раз открывал дверь, передавая пакет со снегом, взамен такого нужного пузыря со льдом.

Дрожащими руками перевязывая пуповину, Нина поняла, что всё закончилось благополучно. Ватные от страшной усталости ноги опустили её на полку к Ольге и та насмешила вопросом:

— Скажите, доктор, сколько она весит?

— Что-о-о!? Да как тебе сказать!? Найдём весы, взвесим.

Цепочка бережных рук, с участием Порфирия Ивановича и его друзей, помогла погрузить Ольгу в машину. Местные медики приняли пациентку с ребенком, и «УАЗик» заскрипел настом по перрону.

V

Поезд торопился наверстать время вынужденной стоянки. Купе, еще совсем недавно бывшее родзалом, занимали Нина, Азам и Нурия.

— Представить невозможно, как я Вам благодарен. Случись другой исход, и всю оставшуюся жизнь писать мне объяснительные... Теперь Вы у нас Почетный Пассажира, которому все можно, — Азам разливал водку из безразмерной поллитровки вахтовиков. Открывшаяся дверь заморозила его с протянутой над столиком рукой. На пороге стоял какой-то железнодорожный чин.

— Что это вы тут, — грозно начал, но, переглянувшись с Нурией и Ниной, неожиданно мягко закончил, — сидите?

— А мы не только сидим. Мы еще и детей рожаем, — она с вызовом повела плечами.

— Слышал, слышал. Знаю, — уже совсем дружелюбно поддержал разговор.

Напряжение, державшее все это время ушло, и как это часто бывало, она, глядя на его комплекцию, созорничала: «Хотите, и у Вас роды примем?»

— Да нет, нет. Я не хочу, — но, покосившись на свой живот, добавил: — если только слоника...

— А вот на слоников у нас пеленок нет, давайте-ка в другой раз.

Так и решили. Посмеявшись, поздравив с успехом, ревизор ушел. А Нина у себя на полке, собирая в целое вновь приплывшие куски сна, вспомнила Ольгу: «Доктор, останьтесь!» — и мысленно пожелала счастья маленькой Полине и ее маме.

С 80-го по 88 год минувшего теперь двадцатого века при Тюменском обкоме комсомола работало объединение молодых литераторов Тюмени. Собирались мы на свои занятия два раза в месяц в редакции молодежной газеты, затем в ДК «Геолог». С высоты нынешних лет можно констатировать, что собирались не напрасно. Обсуждали рукописи, учились доводить написанные строки до хорошего литературного уровня, новички проходили необходимую пишущему человеку школу литературного мастерства. Лучшие произведения молодых поэтов и прозаиков находили место на страницах областных газет.

«Лито» прекратило свою деятельность не по своей воле. На гребне «перестройки» (лето 88-го) оно было, как и многое в бывшем Союзе, просто-напросто разгромлено. Имена погромщиков называть не стану – много чести, а вот те, кто посещал наши занятия, и в последующие годы серьезно относясь к творчеству, обрели признание как авторы поэтических и прозаических книг, некоторые стали членами Союза писателей России. Другие активно работают в журналистике, в иных сферах, сохранив устремление к творчеству, к литературе.

Членами Союза писателей стали бывшие члены «лито» – Евгений Павлов, Виктор Захарченко, Александр Кравцов. Авторами книг – Владимир Белов, Леонид Ткачук, Сергей Горбунов, Лиза Ганопольская и другие. А недавно я с радостью прочел небольшой сборник стихотворений нашего сотоварища по литературной учебе в «лито», в ту пору студента университета Александра Новопашина – «Верховой» (издательство Тюмень: Мандр и К, 2004 г.).

Прочел, словно окунулся в атмосферу света, романтики севера, чистых помыслов и устремлений молодого человека тех комсомольских лет. Впрочем, многие строки, строфы помнятся по нашим занятиям. Небольшой сборник свидетельствует и о мастеровитости автора, и об умении издателя отобрать лучшее.

«Тюмень литературная» публикует несколько стихотворений Александра Новопашина из его книжки «Верховой».

Николай Денисов, руководитель литобъединения (1980-1988 гг.)

«Задумчивые фонари...»

ТРУБАЧ

*Ярко-красный закат
догорал где-то между домами,
И печальные тени
всё длинней становились вокруг.
И когда сумрак ночи
холодком проходил между нами,
На балкон, что напротив,
выходил незнакомый мой друг.
Он вдыхал в пустоту
угасающего бледного неба
Серебристые звёзды
мелодии грустной своей.
И касался он ею
того затаённого нерва,
Что доступен любимой
да памяти школьных друзей.
И тогда затихали
семейные мелкие ссоры,
Открывались балконы
и души уставших людей.
И труба выводила
невиданной нитью узоры,
И мерцали созвездия
тонкой работы над ней.
Там, в далёкой дали,
где волненьем пропитана память,
Каждый видел родное,
до боли височной своё.
Наливалась теплом
детства нежного хрупкая завязь,*

*И алела любовь,
и кружило над ней вороньё.
Зажигались огни
многоцветьем оконных квадратов.
А трубач все играл,
незаметный под сенью густой.
И казалось, что ноты
он читал на страницах кварталов,
По огням этажей
он сверял своей песни настрой.*

ЗВОНК ИЗ ПРОШЛОГО

*На зеркальном диске таксофона,
Запотевшем от горячих слов,
Видится мне профиль твой знакомый
И огни рекламы за стеклом.
Желтый купол старого торшера,
Книжных полок сладкий полумрак,
Корешки собрания Флобера,
Читанного мною до утра...
И казалось, что ты снова близко,
И разлуки не было и нет.
Но чернеют на зеркальном диске
Цифры разделяющих нас лет.*

ФОНАРИ

*Задумчивые фонари,
Я знаю ваши тайны.
Их никому не говорил
И говорить не стану.
Я был когда-то ярким днём
Худым и длинным фонарём.*

«Клятва Тояна» Сергея Заплавного

Среди публикаций, посвященных недавнему 400-летию сибирского города Томска, особо хочется отметить выход исторического романа Сергея Заплавного, состоящего из трех книг. Высокая степень исторических знаний, документов эпохи XVII века позволило писателю и ученому убедительно отразить интересный период истории развития Сибири. Этот период предстает земным цветением человеческой жизни, с ее драмами, радостями любви и трагедиями.

«Клятва Тояна» – уникальное историческое произведение, в котором автор скрупулезно анализирует духовные, психологические, поведенческие проявления людей прошлого. Сергеем Заплавным создан великолепный всеобъемлющий портрет сибиряков XVII столетия, основанный на огромном эмпирическом материале. Мне уже приходилось писать о романе (первых двух частях), в этой статье хочу поразмышлять о духовной основе произведения.

В течение десяти лет автор был погружен в историю развития Сибири, России, постигал духовный путь своих героев. Его герои, преодолевая огромные пространства через главные города Сибири – Тобольск, Сургут, Тюмень, закаляли себя не только физически, но и духовно.

Тоян Эрмашетов, зултинский князь со своими людьми добирается до Первопрестольной и получает царскую грамоту от царя

Бориса Годунова на строительство крепости и будущего города Томска. (Осваивали томские земли и строили город крестьяне и казаки из различных регионов России). Вот эта грамота: «От царя и великого князя Бориса Федоровича всея Руси в Сибирь... по нашему указу велено... на реке Томи, в Томской волости поставити город; а для городского ставления велели послати из Сургута Гаврила Писемского да из Тобольска Василья Тыркова, а с ними, к Тобольским, и Сургуцким, и к Березовским служивым людям к е прибаеку, Тюменских служивых людей с атаманом Дружиною Юрьевым... Писано на Москве лета 7112-го марта в 21 день (1604 год от рождества Христова)». (Подлинная грамота за подписью диака Нечая Федоровича).

Освоение Сибири и ее прирастание к России это Божий промысел. Созидание культурных ценностей, строительство городов Сибири освещено религией. Но культура антиномична, то есть носит временный характер. Религия же подпитывается вечностью, и ее цель заключается в достижении непосредственной связи с Божественной сущностью.

Именно Православие определяло развитие подлинной духовной культуры. Россия без Бога есть обитель Смерти. Исходя из представлений о человеке, как о существе природном и в то же время Божественном,

* * *

*Отдыхающая смена
Спит в прокуренном балке.
Лишь один комар несмело
Поет где-то в уголке.*

*Дизеля поют негромко
На бессонной буровой.
Самотлорскую бетонкой,
Снится, едем мы домой.*

*Вижу вновь глаза любимой,
Той, что верит, той, что ждёт.
И предчувствие губ милых
Спать спокойно не даёт.*

*А в окно стучится утро
Робкой веточкой сосны.
И ворочаются хмуро
Потрявоженные сны.*

* * *

*Бегают собаки
По утреннему снегу.
Холодно собакам
По морозу бегать.
Щурятся, мохнатые,
От сиянья снега.
Будто виноватые
В наших с вами бедах.
«Глупые зазнайки
Эти человеки», –
Думают собаки.
Щурятся от снега.*

* * *

*Дыма траурные шлейфы
Самотлорских факелов,
Словно вестники крушений*

Православная церковь всегда призывала людей к добру и любви – ведущими принципами земного бытия. Эта мысль прослеживается у Сергея Заплавного во всех трех частях исторического романа. Человек того времени не мог сомневаться в вере, не мог покуситься на идеи и ценности православия, которые ему с детства преподносили как непреложные абсолюты. И его самоопределение и самоосуществление всегда было связано с верой. Можно даже сказать, что связь человека с церковью строго детерминировалась, она из традиционной основы бытия, с заданными моделями существования, приводила к самопознанию необходимости обретения истины и веры.

Вера была для русского человека естественным состоянием, без которой он не мог реализовать себя в земной жизни. Русские люди были убеждены, что Православие самое чистое, незамутненное христианство, оно не рассудочное, не рациональное, сердечное, чувственное, ибо вера Христова – сердечная вера. Главным в русском человеке провозглашались его духовность, которая, по сути, отождествлялась с набожностью и благочестивой жизнью. В романе описано как Кирилл Нечаев, сын Федоров сочетался браком с Анной, дочерью татарского князя Тояна. Батюшка Агафон, встречая молодых людей, в церкви напутствует их: «Все богатства мира нам Бог дарует. Семья – это малая церковь. Супруги – единое тело. Их совместная жизнь не что иное, как служение Господу нашему Предвечному. Всту-

*И далёких катастроф.
Словно чёрная кривая,
Зачеркнувшая мечты.
Словно спор, не признавая
Собственной неправоты.*

ПРОЩАНИЕ

*Спасибо вам, мои друзья,
Моя рабочая бригада,
За слово строгое «нельзя»,
За слово праведное «надо».*

*За грубоватый юморок.
За «комсомольскую» лопату,
Которую с трудом я смог
Вонзить в густой бетон когда-то.*

*За семь потов на сто кубов,
За беломорину сухую,
За то, что каждый был готов
На риск, товарища страхуя.*

*Тебе спасибо, бригадир,
Что не давал Студенту спуска,
Кувалду в складе находил
Вполне по силам и по вкусу!*

*Спасибо за твоё плечо,
За крепкое рукопожатье,
За то, что, может быть, еще
Пока не в силах и назвать я.*

*Рабочий университет,
Негромкая мужская дружба.
В твоей житейской простоте
Моя опора и оружие.*

пающий в христианский брак удостаивается ангельского чина». Очень целомудренная, великая любовь показана между персонажами романа Боженкой и Даренкой. О такой любви надо слагать поэмы и песни, легенды и романы. Жизнь их разлучила и красавица Даренка, чтобы не достаться не любимому, свое прекрасное лицо испортила. «Сначала колючками чертополоха его нажала, а потом ранки навозом затерла, вот кожа и воспалилась». Воспевание любви прекрасны в любую эпоху развития России. Она низримыми узлами удерживает сердца любящих и держит в взволнованном состоянии наши чувства.

Любовь не защищает людей от ударов судьбы, как это случилось между Боженкой и Даренкой, но смягчает удары и, покоряясь великому чувству, человек преодолевает на своем пути все преграды и невзгоды жизни.

Сергей Заплавный описал все оттенки любви, чувства и поступки ею порожденные: отчаяние, ярость, страсть, глубокие переживания, заблуждения, сомнения и радость. Такое описание любви в романе возвращает в читателях добро, целомудрие.

Прекрасный роман Сергея Заплавного «Клятва Тояна»; в конце третьей книги он уведомляет читателей о том, что работает над четвертой книгой, в которой расскажет об одном из первостроителей города Томска (Тобольского голове) и который станет его воеводой. Книга будет называться «Воевода Тырков».

Станислав Ломакин.

СТАРООБРЯДЦЫ СИБИРИ СЕГОДНЯ

Беседа с преосвященным Силуяном, епископом Новосибирским и всея Сибири Русской Православной старообрядческой Церкви.

Корр. Владыка, в наших краях Вы не впервые, верующие старообрядцы Тюмени и её окрестностей знают о Вашей деятельности по духовному окормлению паствы, но все же информации у людей очень мало. Прошу Вас, владыка, восполнить её для наших читателей. Но прежде чем остановиться на сегодняшнем положении Сибирской епархии, расскажите о себе.

– Родился я в 1939-м году в Алтайском крае в Подкрушинском районе – в селе Подойниково. В начале Великой Отечественной войны родственники мои переехали в Томскую область поближе к местам старообрядческих поселений. Отца призвали на фронт. Он был шофёром, прошел всю войну. Возил крупных военачальников: генералов – командующих соединениями и даже армиями. К примеру, был водителем у будущего маршала Гречко, ставшего впоследствии Министром обороны СССР.

Семья наша жила недалеко от томского Колпашево. Когда вернулся с войны отец, он перевез нас – мать, меня и двух старших сестёр моих – в этот город. Там и подрастал: ясли, садик, первый класс в сорок шестом году. Закончил семилетку в Колпашево. Потому дорог мне этот сибирский городок – всё детство в нём прошло.

В пятьдесят третьем году семья наша переехала в Новосибирск, в крупный центр сибирского старообрядчества, где сохранились храмы наши.

В Новосибирске к той поре оказались многие наши родственники, пополнившие самую крупную в округе старообрядческую общину. Я пошел в восьмой класс школы. Затем – в ремесленное училище, учился на слесаря по ремонту промышленного оборудования, одновременно занимаясь в вечерней средней школе.

Закончил ремесленное, получил аттестат о среднем образовании, пошел по специальности на завод. Одновременно закончил бухгалтерские курсы. Потом призвали в армию. Направлен был в радиотехнические войска на Дальний Восток. Там обучался вначале в полковой школе по военной специальности. Затем направили служить на «точку» – берег Охотского моря. Это Сахалин. Прослужил три с половиной года. Демобилизовался в конце шестьдесят первого, вернулся в Новосибирск.

Поскольку с детства у меня был интерес к церковному, многому был обучен в семье, в общине, предопределён был мой и дальнейший путь в жизни, путь служения православию.

Переехал в Молдавию. Там был молодой и очень эрудированный старообрядческий епископ, меня это прельщало, хотелось подучиться у такого человека. Женился в эту пору. По рекомендации моих старших сестер. Это была девушка тоже родом из Алтайского края, окончившая с отличием техникум, работавшая в Сбербанке и одновременно секретарем-машинисткой у епископа в епархии.

Мы были оба неплохо обучены в церковных делах. А время было скудное, разруха, в том числе и в мыслях, в головах, не хватало священников в церквях. И в шестьдесят шестом году решили меня рукоположить в священники. Мне было всего тогда двадцать семь лет. И прослужил я в старообрядческой церкви города Кишинёва, в епархиальном центре, двадцать один год.

В 1992 году, когда в Сибирской епархии не оказалось епископа, меня направили в Новосибирск. У меня были уже немалые навыки в церковных делах. И главное – родом я был из этих мест... Согласился с удовлетворением.

Поскольку детей у нас с женой не было, нас так вот и определили: матушку постригли в монахини, она сейчас игуменья в Ярославской области, в женском монастыре города Углича.

Корр. Известный по русской истории город. Убиенный царевич Дмитрий – и все последующие затем события...

– Да, там и очень старинный Николо-Упейминский монастырь. Ему уже четыреста лет. В советское время это был спецприёмник умалишенных... Вот так использовались в недавнее время русские исторические святыни...

В Новосибирске к той поре была образована Сибирская старообрядческая епархия, которую и поручили мне возглавить.

Корр. В каком состоянии Вы, владыка, застали Сибирскую старообрядческую епархию и что она сегодня из себя представляет?

– Хороший вопрос. Всё познаётся в сравнении... Сибирская община за двадцатый век выстояла много притеснений, гонений. Но корень веры, что находился в Новосибирске, сохранился. Потому и немало вышло оттуда священников, служат сегодня в приходах... Меня здесь, в родном городе, знали и помнили. И сам я понимал силу и крепкие традиции сибиряков, знающих богослужение, церковное пение, другие обряды. В Томске, например, уцелело одиннадцать приходов со временем еще Томско-Алтайской епархии. Появился храм в Минусинске, в Алма-Ате... А вся Новосибирская, теперь укрупнённая епархия, вместила в себя четыре прежних: Томско-Алтайскую, где до тридцатых годов было около сорока старообрядческих приходов; в Новониколаевскую епархию входили Ишим, Окунёво, Тюмень и её окрестности, затем Семипалатинская епархия, в которую входили рудный Алтай, русские казачьи земли (ныне это Северный Казахстан) с Павлодаром, Кокчетавом, другими русскими городами, Средней Азией; затем Минусинская – это юг Красноярского края с пятнадцатью приходами; далее Иркутско-Амурская епархия во главе со священномучеником (впоследствии) Афанасием... В Хабаровске и Владивостоке наши храмы не уцелели. Только молельные дома.

Корр. Как и в Тюмени...

– Да... Пришлось и приходится трудиться. Создавать, склеивать... А началась моя деятельность в Сибири в качестве главы Сибирской старообрядческой епархии с 18 октября 1992 года. Был я в ту осень возведен в сан епископа. В Москве это происходило, в Покровском кафедральном соборе, что находится на Рогожской заставе.

И далее и сегодня: поездки, духовные беседы, разговоры, крещения, другие обряды...

Корр. Владыка, хочу возратить разговор к Тюмени, здесь, знаю, Вы начали активно проводить большую работу. Тюмень ведь раньше, в старину, называли городом старообрядцев. И прилегающие районы, скажем, Исетский, мой родной Бердюжский, Нижне-Тавдинский, Упоровский, Заводоуковский...

– Волею судеб Божиих я приехал однажды в Тюмень. Благодаря тем, кто посещал наш храм в Новосибирске, приезжал туда, когда стройка шла. И вот такой нитью, цепочкой и я оказался в вашем городе. Вижу, что есть здесь духовный голод, обрядовые запросы, потребность немалая. Как и везде, кстати. С чего начать? В большом оцепенении в начале оказался. Начинать с каких-то точечных моментов. Как в Нижней Тавде, например, в вашем селе Окунёво Бердюжского района... Дальше-больше. Сейчас уже есть основы для вдохновения.

Корр. Люди тянутся к вере. Почему? Или это просто традиции предков старообрядческих? Конечно же, известно, Вы находитесь сегодня в менее выгодном положении, нежели деятели церкви Московской патриархии, так называемой, официальной церкви.

– Да и историю старообрядчества в Тюмени сегодня знают плохо. И здесь существует представление о старообрядцах, мол, это такие «буки», грубияны, невежды, чашечники, что они не покормят, не напоят, что не «идут в ногу со временем», отживают, что являются неким «придатком», с которого нет смысла брать пример...

Корр. ...И что, мол, у них, у двоеданов этих, «зимой снегу не выпросишь»...

– Такое негативное понятие порождается из-за косности,

Преподобный
Силуян (Килин)
епископ Новосибирский
и всея Сибири

плохой информации. И через дезинформацию — через книги Тополя, например, через книги других «популярных» авторов. И в то же время — пришла пора, когда нужно собирать камни. Из-за социальных неурядиц жизнь заставляет человека думать о том, как выйти из этого оцепенения, возвратиться на круги своя, на свои православные основы. Появляется у людей желание наполниться той духоносной силой, которая наполняла предков. Тяжело и им было, но жили с упованием, несли свой нелёгкий крест. Душа человека сегодня находится в этом духовном поиске. Возникает у людей желание — найти отдушину от внешней разрушительной среды. В таких условиях сегодня не только старообрядцы, но все люди — одинаково. Человек ищет. И если находит для души живой стимул, тянется к нему. И видно, что поле деятельности громаднейшее. А лидеров, вождей, в полном смысле слова, чтоб они могли протянуть человеку руку помощи, оказать должную поддержку, в этом большой дефицит. И как бы то ни было, мы, сколько можем, в этом деле должны участвовать, не быть равнодушными. Не отмахиваться, а помогать, содействовать человеку, находящемуся в унынии, в депрессии, в отчаянии, в потере упования. И потому приходится через хороших людей всё это реализовать. Смотришь: из года в год увеличиваются духовные беседы, исповеди, крещения, венчания. В данный приезд уже двенадцать человек покрестил в Тюмени и в округе, две пары повенчал. Приехал только, люди шли прямо-таки гуськом на беседы. Много у людей проблем...

Корр. Во все времена, в том числе и в царской России, включительно до начала двадцатого века, власть не благоволила к старообрядческой церкви. О советских временах и говорить нечего... Тех и других верующих не жаловали. Но старообрядцев комиссары в кожанках и «пыльных шлемах» жестче притесняли. Как сейчас?

— Сейчас условия благоприятные. Если бы были такие условия деятельности церкви до перестройки, когда живы были многие наши предки, то мы могли многое сделать. Поправить жизнь общества. Но пауза для работы церкви оказалась немалая, к сожалению. Сегодня работников на ниве духовной, я уже говорил об этом, большой дефицит. Бывали ведь време-

на, когда один священник обслуживал тысячи прихожан. В наши дни дефицит духовенства восполнен, а прихожан мало. Кажется, что всё можно делать, развивать, но опять же... нет средств у старообрядческой церкви. А это немаловажно.

Что касается взаимодействий с официальной церковью... Цели у нас одни: поднять духовный уровень нынешнего поколения. У нас одни к этому подходы, способы. Обе наши церкви православные, просто наша старообрядческая более древняя на русской земле. Та и другая церковь должны помочь человеку там, где не хватает духовного окормления. Но у официальной церкви, находящейся в благоприятном положении у государства, действуют различные учебные заведения. И в то же время, наблюдаю, что уровень новых кадров желает лучшего. Может быть потому, что там много внимания уделяют коммерческим интересам, в ущерб духовным.

Корр. В старообрядческой традиции крепче?

— Не буду хвалиться, но вызывает сожаление, что в официальной церкви совершение некоторых обрядов производится с нарушением канонов. Например, в крещении. Большой процент новоокрестившихся не погружают с головой в воду, а только поливают. Погруженному же человеку даётся ангел-хранитель. В ином случае ангел не даётся и человек остаётся не защищённым светлой Божией силой. Наоборот, к нему придёт другой ангел — тёмный. Вот и приходится сожалеть о том, что население и стремится окреститься и верит в это таинство, а работники церкви в этом отношении бывают неполноценно подготовленными, не старательными в исполнении своих обязанностей. Видимо, и в учебных заведениях их так готовили... Ну а контакты у нас появляются.

Корр. В Тюмени сегодня нет ни одной старообрядческой церкви. Что-то в этом направлении делается? Верующие, паства есть. Наверное, есть и желание ходить в свой старообрядческий храм, молиться и совершать другие потребности?

— Нарботки есть. Бог даёт людей заинтересованных — из исконных старообрядцев, находящихся и на высоте власти, которые имеют устремления помочь старообрядцам. Во властные структуры поступает, знаю, немало вопросов из разных уголков области с подобными вашими вопросами. Где справить духовную потребу старообрядцу? Ответственные во власти за религиозные вопросы чиновники пока только руками разводят. Действительно, нет ни одного храма или часовни старообрядческой на территории Тюменской области. Не может так продолжаться... Люди заинтересованные уже есть. Называть их пока не буду. Всем своё время.

Корр. Согласен. Хотелось бы, конечно, чтоб каждый заинтересованный и страждущий внёс свою лепту. Как раньше на Руси храмы возводили? Нередко на народные копейки. «Копейка» — это говоря образно. Найдутся и меценаты, наверное. Чем больше будет активность самих христиан-старообрядцев, тем быстрее можно надеяться, что не только в областном городе храм будет, но в других местах, где есть корни старообрядческие, появятся приходы.

— И я призываю всех жителей области, исповедующих Русскую Православную старообрядческую веру, уходящую корнями в Древнюю Русь, не разделяться, наоборот — объединяться. Надо чувствовать локоть друг друга. Проявлять усердие так, как может каждый христианин.

Корр. Людей не мало, которые исповедуют старую веру. И, насколько я понимаю, эти люди — наиболее крепкие духом.

— Конечно. Это наш генофонд. И он способен все препятствия преодолевать, как сохранивший веру от Крещения Руси. И меня вдохновляет это. И, надеюсь, что всё оправдается делом. И всех прошу в этом деле не быть наблюдателями, а часть своих усилий, трудов вложить в общую копилку в создание в Тюмени духовного корабля для реализации потребностей духа, души.

Да будет воля Божия! И я надеюсь, что Божиим промыслом правда была, есть и будет. Она живёт и побеждает. И поэтому, как в Евангелии сказано, что врата адовы Церковь не одолеют, она пребудет во веки веков.

(Беседовал с епископом Силуяном Николаем Денисов)

«ХАРИЗМАТИКИ» – ЧУДОТВОРЦЫ ОТ ТЬМЫ

Рекламный листок призывал простодушных тюменцев во Дворец спорта, обещая невероятное. Слепые прозреют, глухие обретут слух, хромые – способность ходить. Вход бесплатный. Нет, не доктора приглашали на прием, чудеса со здоровьем должен был сотворить английский христианский проповедник Дэвид Хасавей. Самые падкие из нас до мгновенного избавления от застарелых болячек уже испытали на себе опыты Кашпировского и Чумака. Население всего СССР сидело у «ящика». Рекламировали себя эти господа скромнее, но посылы были те же – чудеса, и далеко не в решетке. О последствиях, для многих весьма негативных, позже много писали в прессе. И вот снова появились факиры, только иного замеса. Общее у них то, что непременно хочется им выправить наше здоровье. Так сказать конкуренты здравоохранения.

Клубному спектаклю на этот раз не повезло, какие-то бюрократические неувязки, магам запретили в качестве подопыта пользоваться широкой тюменской публикой. Однако организаторы не растерялись, увезли автобусами желающих по адресу Республики, 204 «А». В этот раз наши чиновники, благосклонные к разного рода заезжим чудотворцам, не промахнулись. Убедились, видимо, что платой за «чудеса» становятся наши души.

Кто же эти пришлые, забугорные проповедники, владеющие столь могущественной силой воздействия на психику публики, даже не владея ее языком? На Западе они называют себя «харизматиками». То бишь, обновленцами традиционного христианства. Модное течение в США и европейских странах, его сторонники и последователи считают, что обладают исключительной одаренностью, мудростью, «святостью». Возникнув в сектах пятидесятников, движение выплеснулось далеко за его пределы, втягивая в свои ряды католиков, протестантов, лютеран. Вот уже и к православным подбираются.

Начиналось «харизматическое» движение с «говорения на языках» в начале прошлого века, которое достигалось в результате сверхэмоционального состояния участников молений в ряде американских сект. Враждебно встреченное вначале узаконенными вероисповеданиями, оно проникало в них исподволь, а в 1960 году получило широкую огласку. Самый серьезным образом в итоге было воспринято римско-католической Церковью, поэтому не удивительно, что ее служители, как и клирики других вероисповеданий принимают в этом самое деятельное участие, полагая, что получили крещение «Святым Духом». Возможность при определенных приемах получить способность «говорения на языках» схожа (не по форме, по сущности) со спиритическими сеансами вызывания «духов умерших».

Мы пока в этом мало искушены (и слава Богу!), а для обывателей Запада дело обычное участвовать в коллективных сеансах – «молениях», проводимых где угодно – в комнате, клубе, дворце спорта, – лишь бы настрой соответствующий создать, так сказать, психологическую атмосферу. Регулярно проводятся межконфессиональные конференции, собирающие десятки тысяч верующих. Причем, рядом могут оказаться протестанты, католики, буддисты, исламисты, сектанты разного толка. Это никого не смущает. Как и то, каким «духом» даются сверхестественные способности, включая исцеления, говорение на языках, пророчества и толкования. «Их собственные ощущения, связанные с «крещением», настолько мощны и им

предшествует настолько эффективная психологическая обработка в виде сосредоточенной молитвы и ожидания, что у них не возникает ни малейшего сомнения в том, что на них сошел Святой Дух и их переживания в точности соответствуют описанному в Деяниях Апостолов», – такую оценку дал о. Серафим Роуз в книге «Православие и религия будущего» (с. 127).

Говорение на разных языках, как мы знаем из Евангелия, было даровано Святым Духом Апостолам, призванным Господом Иисусом Христом для просвещения языческих народов новой вере. И дар этот был в полной мере использован в миссии распространения христианства. Все святые апостолы, кроме Иоанна Богослова, погибли мученической смертью. Согласно аскетическому христианскому опыту, накопленному за две тысячи лет, прозорливость, способность исцелять молитвой, предвидеть будущее дается немногим и только в случае очищения себя от страстей, грехов, отказа от собственной воли и подчинения воле Божьей. Возможно это лишь в результате многолетнего подвига, молитвы, послушания, отречения от мирских удовольствий. «Сегодня, как и в первый век христианства, точно известно, что дары Святого Духа не открываются тем, кто пребывает вне Церкви. Великий отец Православной Церкви XIX века Феофан Затворник пишет, что благодать Святого Духа дается «только в Таинстве Миропомазания, которое учреждено апостолами вместо возложения рук. Все мы – получившие Крещение и Миропомазание – имеем дар Святого Духа... хотя не во всех он проявляется» («Православие и религия будущего», о. С. Роуз).

Для чего же нужны сверхестественные способности любому обывателю? Оживить традиционное сухое христианство, потерявшее апостольскую силу – так они трактуют свое участие в движении. Почувствовать себя приобщенным к некоей силе, убедиться в ее существовании, раскрыть в себе неизведанные способности. Причем, дается это без особого труда, не нужно очищать себя от греховности, что-либо менять в своей жизни и поведении. Протестантские гимны, тихая музыка, групповая «молитва», повторение определенных слов, наконец, обязательное условие – возложение рук проповедника – таковы физические приемы и предсказуемая техника самовнушения. При этом кто-то начинает издавать ртом бессмысленные звуки, иной бормочет слова на непонятном языке... Опасные психологические игры. «Во всяком случае, тут нет ни малейшего сходства с каким бы то ни было духовным даром, описанным в Новом Завете. Это ближе всего к шаманскому «говорению на языках», которое практикуется в первобытных религиях...» (о. Серафим Роуз).

Другие христианские исследователи находят, что эти опыты явно носят медиумический характер. Медиум – человек, обладающий высокой внушаемостью и чувствительностью, что и дает ему основание быть орудием проявления воли невидимых сил. Как писал старец Амвросий Оптинский, там, где примешиваются реально воспринимаемые существа, почти всегда речь идет о падших духах. Медиумические способности – гипноз, ясновидение, целительство, владение эффектами появления и исчезновения предметов, то, что именуется в нынешней науке, как паранормальные явления, – культивируются почти во всех нехристианских религиях. Шаманы, медиумы, спириты, колдуны и ведьмы... Их тьма, сотрудничающих с потусторонним миром, с падшими духами, спешащими восполь-

зоваться любой возможностью влиять на доверчивую публику.

Совместимо ли это с христианством? А с православием? Думается, ответ ясен. Так же как и то, почему все «клюнули» на массовые телешоу с Кашпировским и Чумаком. В обществе, где грубой силой внедрялось десятилетиями атеистическое мировоззрение, души людей были что сад, затянутый дикими сорняками. Потому и бросились в Россию и бывшие республики СССР забугорные проповедники всевозможного толка с целью «оприходовать» наши души, спеша опередить православных священников. Кто только у нас не побывал. Баптисты, иеговисты, протестанты, католики, пятидесятники, адвентисты. Они успели свить себе гнезда, манипулируя Библией, разделяют народ. И ведь давно уже не секрет, что центры этих сект где-нибудь в США или другой стране и контролируются спецслужбами. Для чего-то им это нужно!

Прецедент, когда разделенный верованиями народ уже не представляет собой единства, что мы и наблюдаем последние десятилетия в Югославии, где сербы и черногорцы, принявшие католичество, протестантизм или ислам враждуют против своих православных единокровных собратьев.

Однажды, прочитав объявление, приглашавшее на встречу с американскими проповедниками, не где-нибудь, а в школе № 4 г. Тюмени, я из любопытства зашла послушать залетных птиц. Их было человек пятнадцать. Как нам объяснили, группа была разнородной: домохозяйка, водитель такси, библиотекарьша, клерк, служители церкви... В основном общался с нами через переводчика седой мужчина с приклеенной улыбкой. Он был у них, по-видимому, за главного. Сразу же подумалось: делать им что ли нечего? Бросили свои дела, семью, службу, перелетели из-за океана просвещать нас, неразумных. Истины были прописными, а догматы христианства сводились к нескольким пересказанным бытовым случаям.

Один из слушателей задал вопрос: «У вас в Америке процветает преступность, жестокость, разврат, так почему вы не наведете порядок сначала у себя дома?» Проповедник, похоже, вопрос понял, но не показал вида, наклеенная улыбка не шелохнулась, демонстрируя великолепные искусственные зубы. А переводчица начала было переводить, потом остановилась: « Не могу перевести». Вопрос явно не был рассчитан на запروتokolированную встречу.

Моя знакомая с двумя детьми вовлечена в секту иеговистов. Когда ей жилось материально особенно трудно, секта (центр ее в Америке) оказывала помощь вещами и деньгами. Дочь и сын – оба инвалиды – довольно настойчиво стараются проповедовать уясненные тексты из Библии. Назойливость поучать других прививается на их собраниях, как и привлечение новых adeptов. При этом они опираются на евангельский текст о зажженном светильнике, который не прячут, а ставят на высокое место, чтобы он светил всем. И вот уже в роли «светильников» всякий сектант. Они пристают к нам на улицах, в городском транспорте, навязывают литературу, заывают на свои собрания. Если они такие примерные христиане, как говорят о себе, так почему им мало ходить в православный храм? Нет, бегут от него, как черти от ладана.

Но вернемся к «харизматикам». В православном аскетическом учении ключевым является понятие прелести, как духовного обольщения людей нечистыми духами. В прелесть впадают люди, стремящиеся к высокой духовности, не очистив себя от страстей и грехов. Дьявол посылает таким великие «видения». Есть и другая, более рас-

Тобольский Кремль
фото А. Елфимова

пространенная форма, при которой жертвы впадают в экзальтацию религиозного чувства. Их наш народ окрестил кликушами. Восторженное состояние от наслаждения и упоения, достигнутых без труда, покаяния, «без распятия плоти со страстями и похотями» характерно и для последователей – «харизматиков». Святой Иоанн Кассиан, великий отец V в. западной православной традиции, отмечал: «Демоны иногда творят чудеса для того, чтобы возбудить гордыню в человеке, чтобы тот воображал, что в нем самом есть дар чудотворения, а это ступень к дальнейшему падению».

Протестантско-католический мир породил и широко воспринял «обновленчество». Почитатели этого направления вовсе не стремятся «совлечь с себя ветхого человека», не поступаются своими недостатками. И в то же время, добиваясь состояния сильнее возбуждения или исступления, верят, что обновляются. «Наивысшие проявления Св. Духа в модернистских движениях Всемирного Совета Церквей» – так они трактуют результаты своих массовых медиумических опытов. Это и есть, по выводам православных богословов, состояние высочайшей прелести.

«Харизматизм» – не случайное явление. Его последователи по сути признают Церковь без Христа, хотя и манипулируют христианскими терминами. Ставится полномасштабная задача, которая находится вне пределов христианства, – объединение всех религий, достижение «духовного единства» всего человечества. Это одна из целей глобализма, мирового господства «золотого миллиарда», что также исходит от сатанинской гордыни.

Антонина Левадная,
г. Тюмень.

Под сенью хищной птицы

Плотный мужчина армяно-кавказской наружности идет по тротуару вслед за женщиной, не отставая, но и не пытаясь её обогнать. День летний, теплый. Легкое платье женщины соблазнительно прорисовывает её выразительные формы. «Пэрсик», — сладко причмокивает, пританцовывая, мужчина.

Этот бесхитростный анекдотец я вспомнил, глядя на картинку, пародирующую российский герб. Над двуглавым птицей — женщины вместо короны — «персик». Перси (невольная игра слов) внушительные: грудастая птица. Лапы-вилки раскинуты (готовность номер один?), крылья жиденькие, хвост потрепан. Карикатура тем кощунственнее, что она предвещает в бульварной газете «смачную» главку о русском борделе в Лондоне, устроенном стараниями чукотского губернатора.

Издевательство над двуглавым орлом стало излюбленным занятием карикатуристов. В каком только виде его не рисуют, пытаясь изобразить наши неурядицы языком пародии и карикатуры. У Балабаса он, свесив головы на две стороны, решает проблемы образовательной реформы, шатается пьяным по палубе корабля среди разбросанных пустых бутылок, у него, видите ли, голова раскалывается надвое, а на фоне, как ограждение палубы, полощутся российские триколоры. И как-то неловко объяснять художнику, что его просмаленные ядом стрелы летят мимо цели: символы не пьют. Да, российская индустрия спаивания, наращивая обороты, работает круглосуточно. Но об этом надо говорить (кричать!) другим голосом. Иногда карикатуры столь двусмысленны, что недоумевающие читатели просят разъяснения. Вот как расшифровывает один из своих рисунков художник Балабас: «Наш двуглавый орёл, символизирующий власть, птица зачастую тяжёлая, неповоротливая. Летает с натугой, низехонько. А разным стервятникам это как раз на крыло, в смысле — на руку. Они за тучами спрятались и всей хищной стаей над двумя державными головами (?! — В.Н.) провистели. Может быть, теперь эти головы поумнеют». Такой вот «отклик» на кровавые события в Ингушетии.

Двуглавый орёл. Хищная птица.

Российский Госстрах обрубил орлу лапы, перешиб крылья, словом, нагнал страху, а над двуглавием оставил все три короны. Что они символизируют в данной интерпретации? Не уразуметь. По центру распластанной птицы, там, где закон определил быть зиту с Георгием Победоносцем, Росгосстрах вмонтировал свою фирменную аббревиатуру, а ниже, под крыльями — её расшифровку. Такая вот эмблемочка.

Решение о создании нового Государственного герба было принято Правительством РСФСР в 1990 году. До окончательной разработки символики, до

одобрения закона о гербе Советом Федерации и последующим его подписанием уже новым Президентом России В.В. Путиным прошло 10 лет. Много воды утекло за это время, много бурь пронеслось над Родиной. Но еще в 1987 году Центробанк, как бы подталкивая власть к выбору государственной символики, распространил по России металлические монеты с изображением «голового» орла — без корон, без державы и скипетра, без зита. Выбор очень странный. На наши современные деньги перенесен орел с печати, утвержденной Временным правительством 21 марта 1917 года. Точной такой же орел был размещен на «керенках» — обесцененных купюрах Временного Сибирского правительства. По аналогии можно вспомнить и ещё одного временщика-самозванца Лжедмитрия I, скреплявшего свои указы печатью с «голым» орлом.

Памятуя о том, что двуглавого орла завезла в Россию в конце XV века, как часть «приданого» племянница византийского императора Константина XI Софья Палеолог, невеста и будущая жена великого князя Московского Ивана III, можно через символику полагать, что пришедшие к власти временщики-хищники отбросили страну на несколько столетий назад.

Над Россией сгустились сумерки «большого хапка». Примитивнейшего политика Горбачева с его «новым» мышлением, вытолкнул из державного кресла нахрапистый провинциал Ельцин. Он, имея личных амбиций замахнулся на развал СССР и достиг цели.

Первый постсоветский российский царь Борис любил сравнивать себя с Петром Великим. Его камарилья хорошо это усвоила, и страсти по созданию главного Государственного символа страны закипели вокруг Петровского трехкоронного герба. Его приняли за основу. По указу Б.Н. Ельцина с 30 ноября 1993 года «дорогие россияне» стали жить под сенью двуглавого пернатого хищника. Указ не закон, прошу не путать. За долгий период тугодумных обсуждений можно было бы глубже изучить исторические корни геральдики родной страны.

В самом начале XVIII века на государственном гербе России был образ Божьей Матери. Она считалась покровительницей России. «Мать-земля для русского народа есть Россия. Россия превращается в Богородицу. И в религиозных видениях русского народа русская земля представляется самой Богородицей», — писал Николай Бердяев. Едва ли не большинство храмов русского православия посвящены Богородице.

Двуглавый орёл — малый герб страны — в дореволюционной России украшал все питейные заведения: доходную часть казенного государство держало в своих руках.

Из глубины веков до нас дошел образ Белой Лебеди как символа Родины.

Русичи в «Слове о полку Игореве» — нуки Дажь бога, а сам он считался родоначальником русского народа. Жива-Лебедь, богиня возрождающейся весенней жизни, была его супругой.

Новоявленные правители, видимо, не хотели знать, что помимо малого герба были ещё средний и большой государственные гербы. Личный герб императора был составной частью большого, и в его изображении входила благородная птица — Белая Лебедь.

В сказке Пушкина о царе Салтане только через поражение пернатого хищника — олицетворения зла — явилось спасение Царевны-Лебеди. Эти символические образы пришли к поэту из глубин славянского фольклора. Русский народ никогда не жаловал стервятников. Но...новой власти хищник пришёлся по душе.

В митинговые толпы ельцинская клика бросила лозунг: «Разрешено все, что не запрещено». Вдобавок к этому глава правительства Егор Гайдар разъяснил всем через средства массовой информации, что первоначальный капитал нигде в мире не наживался честным путем. А посему... Успевайте, ребята, пока мы, временщики, у власти — хапайте. Так общенародное достояние страны было отдано на открытое разграбление.

Символика нового российского герба даже в официальных источниках имеет разноречивые толкования. Короны над головами орла в одном случае трактуется, как символы единения всех субъектов Федерации (?! — В.Н.) и самой Федерации. Если с символикой Федерации (большая корона) можно еще как-то согласиться, то малые вызывают недоумение: у нас что, всего два субъекта Федерации? В другом случае эти же знаковые символы толкуются как союз трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. Они-то, эти ветви власти, как раз и вызывают наибольшее разочарование у народа. К старой пословице: «Закон, что дышло...» прибавились новые афоризмы: «Законы теперь не на страже, а на стрёме», или: «У нас какой букве закона следуют, на ту его и посылают». Законы у нас как слоеные пироги: нижняя корка для «быдла», а далее к закону довески-привилегии (что в переводе с иноземного означает второй закон) и чем выше поднимается чиновник по иерархической лестнице, тем весомей его привилегии и тем с большим пренебрежением относится он к законам для нижестоящих.

Назовите хоть одну реформу, которая не ударила бы в первую очередь по старикам и детям, самым незащищенным слоям населения. То, что сегодня дадут по Федеральному закону, завтра отнимут по дополнению и изменению этого закона. Нас приучают не верить власти и пренебрегать законами.

По той пропасти, что пролегла меж-

ду богатыми и бедными – мы впереди планеты всей.

«Знаешь, что для меня главное было в работе? Оказаться в кабинете, если вдруг позвонит премьер или сам президент. Все остальное можно спокойно пережить. А когда ушёл в бизнес, то убедился: главное, чтобы чиновники из правительства не мешали». Это публичное признание человека, недавно покинувшего теплое министерское кресло. Комментарии, думаю, излишни.

Но вернемся к гербу. Федеральный Конституционный Закон Российской Федерации, принятый Государственной Думой в декабре 2000 года установил Государственный герб РФ, его описание и порядок официального использования. После подписи Президентом РФ никто не имеет права самовольно менять начертания герба, его колористку и использовать в случаях, не предусмотренных законом. Отныне герб должен быть под защитой Федерального закона. Должен быть. А мы что делаем? Совмещаем несовместимое. На частных автобусах появились Государственные гербы. На некоторых даже два: хозяин в частнособственническом рвении свой личный автобус вводит в статус государственного учреждения и действует по принципу: кашу маслом не испортишь. Российский футбольный союз растратил свою эмблему с продырявленным двуглавым орлом не только на одежде спортивного покроя, но и на футбольном мяче. Пинайте орла, бейте тушки, добивайте! Под лапами птицы – спасательный круг. Кто кого и от кого спасать должен? Умствуйте. Думайте. Гадайте.

Почтовики тоже не лыком шиты. У них свой герб. «Совершенствуя» геральдику неведомые авторы умудрились в лапы орла вложить вместо скипетра и державы... по сигнальному рожку почтово-фельдъегерской службы XVIII века. Новоявленную нелепицу разместили не только на вывеске, но и на бланках извещений. (Тысячными, миллионными тиражами?)

Через всю страну летят пассажирские поезда. На вагонах «красуется» искаженный символ страны. На животе у этой странной птицы щит, по черному фону которого скрещены два желтых слесарных инструмента, словно кости под черепом с пиратского флага.

Поразительное невежество проявили и создатели учебного пособия по налоговому праву, поместив на обложке герб собственного изобретения: внизу жезл времен Римской империи скрещён с массивным ключом не то от ворот средневекового города, не то от купеческого сундука XIX века. (Ю. Ежов «Налоговое право». Издательско-книготорговый центр «Маркетинг». Москва. 2001 г.) Хорош учебник по праву!

7 ноября – праздник Великого Октября – решением «единороссов», то есть недавних коммунистов-интернационалистов, а ныне шовинист-патриотов, теперь будет отмечаться как День освобождения от проклятых поляков-завоевателей, т.е. в том числе от Феликса Дзержинского, маршала Рокоссовского, короля Сигизмунда и иже с ними. Второй День Победы.

(По материалам российской прессы)

Мы выбрасываем в мусорные корзины «загербованные» упаковки из-под пищевых добавок, на тротуарах попираем ногами пустые пачки из-под сигарет «Петр I» с трехкоронным двуглавым орлом, ставшим прообразом нового герба Российской Федерации. Безнаказанно втаптываем в грязь исторические символы своей Родины.

Ни одна ветвь власти не может (не стремиться?) оградить от надругательств главный символ страны. Стоит ли в сложившейся ситуации думать, заикаться о попрании человеческого достоинства каких-то «Акакиев Акакиевичей» России. Уже считается нормой измываться над нашей страной в международном масштабе. Ежемесячник «Совершенно секретно» дает во всю страницу оболваненного российского двуглавого орла с символом американского автомобилестроения на груди – трехлучевой стилизованной «баранкой». Короны над двуглавием – все три – исчезли. Лапы – пусты. (№ 7, июль 2003 г. Иллюстрация к статье «Чисто конкретная Россия»). Монтаж выразителен. Но попробуйте поступить подобным образом с символом Соединенных Штатов Америки. Скандал будет грандиозным и непредсказуемым.

Мы для Америки как грязный отстойник. Импортируем культ насилия, жестокости и разобщенности, пену пошлых шоу-развлечений, кич массовой культуры. Но есть и другая Америка, пропагандирующая почтительное отношение к всеисильной власти законов своей страны. Нам бы к этому присмотреться, понять и принять что-то разумное. Когда американский художник Рокуэлл Кент узнал, что без его ведома одна из фирм в рекламных целях использовала его рисунок, он на законном основании мог бы разорить эту фирму. Ее владельцы, вместе с извинениями перед художником, сделали все, чтобы он не доводил дело до суда. Не пора ли и нам создавать подобные прецеденты? У нашего герба есть официальный автор – Санкт-Петербургский художник Е.И. Ухналев. Будь наша страна правовым государством, он мог бы стать честным миллиардером. Но при этом ему бы пришлось по Конституционному закону через суд разорить множество фирм с самостийными гербами. Увы?

Стою под навесом на крыльце магазина, пережидая дождь. Подъезжает машина-фургон. По смотровому стеклу кабины вверху (чтоб не перекрывать водителю обзор) рекламно-броско крупными буквами написано: бандит. Без кавычек. И я не ставлю. Что он развизит: мешки с сахаром или взрывчатку – кому какое дело? У нас разрешено всё...

Валерий Новиков,
Тюмень.

Российский герб на... эмблеме росгостраха

на... футбольном мяче

В... издевательской карикатуре

ПОДМЕНА,

или о красных каббалистах и либеральной чернухе

Но с ними случается по верной пословице: пёс возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идёт валяться в грязь.

(2 Пётр 2:22)

Среди «героев» августовской криминальной революции 1991 года, перманентно текущей, вибрирующей, видоизменяющейся, в особом ряду стоят местные «герои». Вчера и сегодня – конкретно зудящие, неумённо досаждающие, пачкающие прстойное, светлое, не совпадающее с их «либеральными ценностями», с их моралью, нравственностью. Отмахнешься публично: прочь! А они и рады: о, зацепили, втянули в «дискуссию». И нудят – всё во имя того криминального перестроечного переворота, каких-то своих «идей». «Герои» поределели за годы. Иные хорошо «встроились» в действительность, притихли. Иных уж нет. Другие вышли в тираж. Но!..

Кто там с визгом вцепился в штанину? Наступлю ведь! Ну, право, беда...

Они еще ядовитей сучат жальцами. В ответ тебе. Не допускают и мысли о том, что кто-то иначе скроен, думает не «по-демократски», имеет свои оценки, в том числе и гнусной действительности, созданной усилиями этой «демократии».

Нетрудно заметить, с течением лет, в атмосфере Эрэфии медленно, но что-то меняется, сдвигается. В

мозговых извилинах обывателей, в заявлениях политиков (не хитрящих, если?), президентских эрзерциях (развалены армия и флот, но, возможно, не утрачено хоть чувство самосохранения?). А «эти», как в бронзе отлиты. Упёрты в своей перманентности... Исчезают из политики их кумиры – Гайдара, Хакамады, Явлинские – электорат на выборах говорит: надоели! Показатель какой-никакой. А наши провинциалы, поборники «свобод», как загипнотизированные. Деться-то некуда. Вляпались в «историю». Знать, крепко увязли коготками! И не способно это «воинство» откеститься от содеянных предательств. И отступать страшно. Ведь в голом поле. На виду. Позади преданная, раздербаненная с их же помощью «эта» страна, преданная, ухайдаканная КПСС, которой – «без царя в голове», но рьяно служили, окончив ускоренные марксистские кружки или спецвузы – ВПШ при ЦК КПСС – с одной целью продвинуться по служебной лестнице, сделать карьеру. В райкоме, обкоме, редакции ли газеты. И вчера. И сегодня.

Поразительно, конечно, что в 91-м столько много вылуцилось обратной. Почти вся номенклатура. В одночасье. Никто даже дубину не выломал из прясла, чтоб защитить свою партию, республику, Союз, которым рулили. Так не бывает среди нормальных людей? «Расейская» история показала – еще как бывает!

Как это представляется ныне? Вместе с «романтичными» либералами, в основном, из научной, творческой интеллигенции, вместе с откровенными – внешними и внутренними – врагами страны, поднялось «дно». «Босяки», «Васьки пеплы», «спившиеся актеры», «челкаши».

Из «ближних», о коих предстоит вести речь, околитературная братия, чаще это неудачливые, обозленные члены всяких «лито», карьеристы, не попавшие в члены КПСС и т.п. «Дно» это, ощутившее вдруг «свободу» (в кавычках и без!), типа пьяной «матросни» лета 17-го года, кинулось громить «винные лавки», поджигать «ухоженные усадьбы», крушить «фарфор», вспарывать «перини», захватив для «свободных дискуссий» преимущественно, созревшие к погромам, комсомольские издания. Превратив, к примеру, действительно де-

мократичный когда-то «Тюменский комсомолец» в хамовитое тогда, на заре перестройки, «Наше время». (Достаточно вспомнить «накаты» на лучший русский журнал «Наш современник», на местных писателей, кои изображались в писаниях этого органа монстрами с карикатурными «рожками», «фашиствующими дебилами». И т.д. И т.п.) Ленин сумел в своё время обуздать подобную стихию, направив в нужное большевикам русло. Но Ельцин – не Ленин. (Как, впрочем, и Путин – далеко не Сталин). Опираясь на «челкашей», Ельцин проиграл сразу. Конечно ж, он хоть и в пьяной голове, но имел, наверное, мысли о построении своей «новой России», но «челкаши-чубайсы» не способны на созидание, умеют только воровать, разрушать, издеваться над прошлым страны.

По Тюмени помнится. В том августе 91-го, на флагштоках возле нынешней облдумы, в сотне метров от скульптуры вождя мирового пролетариата, возделись нелегитимные ещё красно-бело-синие триколоры. И возле них, стягив, почти по стойке смирно застывшие в торжестве, знакомые номенклатурные лики, а на данный момент – «справные» деятели кооперативных структур. Потом их назовут «братками». По всей Эрэфии назовут.

Феномен!.. Да. Но я о тех, кто ближе.

Конечно, трудней взять в «толк», как, скажем, самый красный репортер «Тюменской правды» 60-70-х, приятель тех давних лет Борис Г., в 90-х вдруг превратился в упёртого перестройщика и «жертву сталинских репрессий»? Как? Едва только Б. Ельцин дрожащими руками (подсаженный на броню танка) показал полупьяным защитникам «белого дома» триколор этот, наш Борис взорлил трубить о «перестройке», о «свободах» и «проклятых коммунаях».

(В скобках сразу уточню, что дело не в конкретном Б. Г.: ну газетёр, каких немало. Подмена ведь произошла повсеместно. И много чести для Б. Г. – делать его «героем», пусть и с минусом. Потому и не без горечи, беру этот пример оборотничества, как близкий, наглядный).

Хочу понять: когда Б. Г. и ему подобные были искренни – при «проклятых коммунаях» или коммуно-демократах? Иль минувшее время вы-

пестовало породу людей, способных служить любому начальству: Брежневу с Суловым или (вовсе крамольная мысль) Гитлеру с Гебельсом? Вот в чем корень вопроса, который задают себе граждане, не утратившие способности трезво судить о времени, не растерявшие моральные и нравственные ориентиры. Да и кто о свободах, без кавычек, не мыслил тогда! Кто не припадал к «свежему ветру перемен». И не очень-то внимал голосу тревоги: «Как бы перестройка не обернулась перестрелкой!»

На земле и на море витийствовали! В бурные дни XIX партконференции в Москве, где наметился разлом и противостояния, шел я из Латинской Америки на сухогрузе Балтийского морского пароходства. Везли мы в трюмах и на палубах аргентинские «макаронны» – трубы для буровых станков, шерсть. Ждали нас с грузом в немецком Бремене и нидерландском Флисингене. Экватор перевалили при полном штиле, зато в судовых динамиках яростно гремели московские события. «Лёд тронулся, господа присяжные заседатели!» – большой наш корабельный демократ начальник радиостанции и постарался «озвучить» судно. «Наконец-то я белым человеком себя чувствую!» (Занятно бы узнать: о чём он ныне «поёт»!)

Боцман, как всякий русский боцман, только покашливал в тяжелый кулак, глядя как эйфорийствует кучка палубных либералов. (И теперь мысленно говорю боцману: спасибо за ту предупредительную осторожность. Если продолжайте ходить в океаны, семь футов тебе под килем!).

В конце рейса пришвартовались мы в ленинградском порту. В городе уже витали запахи этой малопонятной революционности. Вот строки из моей лирики той поры:

...Ну, стало быть,
на родину вернулся,
Простой моряк,
не барин и не граф...
Не сдался Зимний,
с почтой промахнулся,
И лишь под вечер
занял телеграф.
Родным поклоны – долг,
а не обуза,
Друзьям приветы:
помню, мол, всегда!..
Залитый потом, грузный,
как медуза,
На Невский выгреб
и – вот это да!..

А как друзья – тюменские? Витийствуют? Или стоят за Отечество?

Видю: Родина наша теряет остойчивость. В бортовые пробоины хлещет грязная вода. Государственный корабль – на мелководье...

Вспоминалось: Борис хоть и на подхвате служил в политуправлении Тихоокеанского флота, но тоже – моряк какой-никакой. А моряки они, известно, во все времена... Да что говорить! Немало было пройдено бок о бок и сухопутных дорог. В дальних северных командировках, скажем. Пили из одной кружки. И не только чай. К тому же, Б. Г. под пристальным водительством члена бюро обкома КПСС и редактора Н.Я. Лагунова превращался в заметного в области газетчика. Популяризировал подвиги героев-комсомольцев, героев-чекистов и космонавтов, пионера-героя Павлика Морозова, воинов-коммунистов Великой Отечественной. И сам в партию собирался вступить. И меня «сватал» (за компанию) подать заявления в партийную ячейку редакции. Но Господу Богу, наверное, виднее было тогда: не дал благословения.

И вот в Тюмени, в родном городе, стал я свидетелем госпереворота 1991-го. Против него, к изумлению моему, даже в полголоса не вякнул ни один партаппаратчик, ни один красный репортер. Таковую партию выковали горбачевцы! И скопом повалили в новые структуры. Как выпили по полстакану «перцовки», не поморщились...

По какой-то случайности, по нелепости, открыв дверь шумливой в ту пору демократской газетки «Согласие», увидел там Б.Г. С кем он «соглашался», не сразу понял. Вокруг сновала знакомая «гвардия» из прежней нашей обкомовской орденоносной «ТП», печатала разрозненную чернуху. Борис, как самая солидная «жертва сталинских репрессий», покрупневший, сидел под большим портретом внука писателя Гайдара и писал статью про колбасу. В ту пору все демократы, – отличный знак! – следуя примеру редактора «Огонька» Коротича, писали про колбасу. Её, колбасу, наконец-то можно было купить в большом количестве, разной заграничной копчености-варёности.

Я хотел было крикнуть – «Боря», но помешали. Втиснулся со своим сияющим нимбом бывший преподаватель марксизма-ленинизма Бурбулис и все испортил. «Не мешай!» – дохнул он ароматами фиалок.

Два младших литсотрудника «Согласия» достругивали и сколачивали гроб-домовину. Как молвил важный Бурбулис – «для Советского Союза». Я попытался поймать его за горловой кадык, хрястнуть, но ельцинский секретарь оказался бесплотен...

Неужели и все тут бесплотные!?

Но замредактора выправлял на голове посетителя кривые гвозди, часто попадая по собственным пальцам. При попадании блазил. На готовой крышке домовины главный редактор кромсал краковскую колбасу, ел без передыху. Не закусувал, а просто – ел и ел.

Пахло могильной землей, сероводородом, мышами.

На подоконнике сидели долгоносики, перепончатые и членистоногие. Ведьмы и ведьмаки вперемешку с кишечнополостными, то есть весь набор земноводных и малоизвестных гадов и тварей, которые вскоре переселятся в передовицы прохановской газеты «Завтра», обретут там новый эстетический и политический оттенок.

Внучок писателя Гайдара на портрете шевельнул щеками. Причмокнул губами, вынул изо рта шкурку одесской полукопченной, понюхал, кивнул удовлетворённо: «Ну дак вот!..»

«Вот она!» – просвистел над столом пишущего Б. Г. сорвавшийся с карниза ушан, сияя клювиком и шелестя перепонками лапок. Боря поднял отуманенный взор, не признав во мне старого приятеля, взмахнул крылом, вылетел вон.

«Куда это он?...»

«А черт его знает!» – пробежала со стаканами на подносе крашенная девица на копытцах, сея из-под хвоста овечий горошек...

Текли демократические и реформенные года. Со стенаниями простого народа, с демонстрациями под красными флагами, под свистящими, лупцующими стариков-ветеранов дубинками ОМОНа, с дефолтами, обвалами, «черными вторниками», «внутренними» войнами. Был расстрелян Верховный Совет России, навязана народу новая ельцинская Конституция, сам Е.Б.Н. шунтирован один раз и множество раз недоопохмелён. А Борис наш, подвизаясь в демпрессе, все больше входил в роль непримиримой «жертвы сталинских репрессий», наконец-то досыта нажравшейся желанной колбасы.

Как-то попалась на глаза книжка страдальца под названием «Дым над чужой кровлей». Факт отрадний: не оставил, подумал я, старые литературные свои опыты. Жаль вот только перепутал «крышу», как важную часть всякого строения, с «кровлей», т.е. со стройматериалом: рубероидом или волновым шифером!? Ну да это «малосущественная» деталь, когда человек звон какими делами, при свободах-то, ворочает!

Для самоутверждения, что ль, с таким наработанным уже демократическим апломбом, взялся давать «оценки» преимущественно ушедшим в лучший мир писателям-землякам.

Запомню, что есть здравствующие, кои хорошо помнят минувшее, хранят память о своих товарищах. Не тёмную. Светлую!

Нашего сибирского златоуста, всеми уважаемого, подчеркиваю, Ивана Михайловича Ермакова, за которым Б. Г. «под градусом» бегал с десертным ножиком в тюменском ресторане «Восток», тогда обвинив Ермакова в краже у него, красного репортёра, не то «сюжета», не то, страшно вымолвить, «гениальной задумки», так изобразил в «мемуарах»... И едва ли не диссидент-то он, Ермаков, и прижимаем был партийными властями, и умер-то под забором. Вдова писателя Антонина Пантелеевна только горько головой качала: «Как так можно?!»

Можно! Нонеча-то, при свободах!

Свобода – это ответственность. Жить в своей стране без вранья, грязи, пошлости. Достоин, одним словом. Ну, как и в моральном кодексе строителя коммунизма было означено, который, конечно же, изучал красный репортер.

Пренебрег заповедями. Христовыми, в том числе. В детстве за это драли солдатским ремнем или волосяным путом, которым треножат на лугу кобыл. Должен же это знать человек, не в дворянском доме рос. Сам пишет, что «страдалец». За народ, как можно предположить.

... Глянь уж, новенькое отчебучил. Не прошло, помнится, и сорока дней после похорон известного писателя Константина Лагунова, того достал, того сделал попытку повенчать с сатаной, помазав грязью, коей, похоже, припас несколько коробов.

Практикует (препарирует) преимущественно на ушедших. Выдавливает «из тюбика воспоминаний» и розовые краски, белила даже. Нагородил этаких фантазий про Е.Г. Шермана-Ананьева, которого при жизни краше как «жидом пархатым» не именовал.

К чему бы это? Размышляй, читатель, сам...

Требуется отметить, что большинству этих писаний дала зеленый свет «парламентская газета» «Тюменские известия», возглавляемая в недавний срок выпускником ВПШ при ЦК КПСС, бывшим секретарем партийной ячейки «Тюменской правды» Ю.С.Б. Встретясь с главредом в дачной электричке, как-то сказал бывшему коллеге по газете: «Ну как ты, Юра, можешь подписывать в свет махровую чернуху?!» Усмехнулся в ответ: «А что? Свобода ж, гласность!»

Свобода... Изрядно набитый дач-

ный вагон наполнялся шелестом перепончатых крыл летучих мышей. Поднял взгляд. На полках, где сумки с редиской и букеты маргариток, сидели знакомцы-земноводные из почившего «Согласия», выбирая для агрессии «сталинистов» и «столпов тоталитаризма». В одной из рептилий узнал клювик Бурбулиса. И тут неосознанное нечто опустилось на плечо: «Вся эта сволочная свора – красные каббалисты! Они проповедуют так: поскольку добро и зло созданы Богом, то зло тоже имеет право на существование. То есть апология зла. Но воплощением и символом зла является сатана. Поэтому некоторые называют их не каббалистами, а сатанистами...». – «А Вы кто?» – «Писатель Григорий Климов». – «Читал Ваши «Красные протоколы» в Венесуэле, когда гостил у друзей, русских белоэмигрантов. Думал, э-э-э, пропаганда...». – «Зря так думал».

(Тут я для постижения глубины возникающих вопросов отсылаю читателя к книге Г. Климова «Князь мира сего», выходявшей в США, теперь книгу можно прочесть и в России. В послесловии этого солидного издания сказано: «Книга о дегенерации и дегенератах, что в Библии называется дьяволом и князем мира сего... Книга страшная и для не слабонервных...». Автор, запрещенный когда-то в СССР, дает интереснейшие ответы, на которые было наложено табу практически во всем мире).

Неуютно, зябко от сих параллелей. Представишь «всё это!..». Но сколько ж нам, современникам, неизвестно о «сущности человека». О высотах духа. О пассионарности. Об истоках предательства. Об оборотниче-

стве, с вопроса о котором начал данную статью. И – страшно постигать эту «суть»: как это человек может обернуться совершенно иной стороной своей природы, скрытой до времени?!

И пришла на память другая судьба «ближнего» – одарённого тюменского поэта Александра Г., мятущегося, ищущего свой путь, в том числе и на «политическом поле». Ныне заслуженно почитаемого как поэта, а при жизни не принятого в члены писательского союза, куда он, естественно, стремился. Дважды наши единоклассные протоколы собраний по приёму «зарубила», завернула Москва. Строг тогда был отбор в «профессионалы». (Иль тут случай – невезения?).

В «перестроечные» времена, когда был совершен сознательный развал писательского союза РФ путем внедрения в него случайных людей (подмены!), принимали в «профессионалы», как говорят, «за полурифмованный вздох». О тюменских фигурантах этих «подмен» в прессе сказано немало. Один С. Шумский чего стоит! Подчеркиваю, тоже из «красных»: партиец ВКП (б) со времён Берии и Маленкова... Саша Г. обиделся, похоже. И крепко. В 91-м тоже «перестроился». А какие «идейные» поэмы писал против «проклятой Америки», звенел рифмами в антиалкогольной горбачевской кампании, заявление в КПСС подавал. В пору «тоталитаризма!» (Это уж потом... «фашистом» называл меня и других, не демократов, за гражданскую, антиельцинскую позицию в своём литературном вкладыше «Тюменских известий», в так называемой – «проталине»).

А ранее, при СССР, этак шутиливо-назидательно аккуратным «профсоюзно-идейным» пальчиком «грозил», когда я оформлял документы и визу в свой первый заграничный морской рейс: «А ты не останешься там?!». Министр Морского флота не возражал, Большой Союз писателей (СП СССР) рекомендацию давал: «Семь футов под килем, мореман!» А вот местная «тройка» писательской организации, где Саша был председателем профсоюзной ячейки, «сумлевалась», как сказала бы моя деревенская мать.

Ответил тогда профсоюзному начальнику – тоже шутиливо: «Останусь обязательно! В Японии, скажем. И тебе, брат, бутылочку «саке» пришлю, чтоб выпил за здоровье русских моряков!»

Накаркал: шесть лет мурыжила «тройка» руководящая...

О, Господи! Царствие небесное тебе, Саша.

Тоталитаризм, зажим, цензура. Бывало. Досталось и мне. Самый «верхний», цековский упырь А.Н. Яковлев калифствовал над идеологией, бдил, не смыкая век перепончатых. И теперь – где он? В стане сатанистов, в стане гадства.

«Лезут в зоревую душу русскую свиными рылами, визжат, мажут грязью, хрюкают, антирусское выдают за подлинно русское, посредственностью ЗАМЕНЯЮТ талант, честного бесчестят, зоркого ослепляют – содомисты энергичны и беспощадны», – так в статье «Вахханалия содомистов» («Патриот», № 11, 2004) назвал их повадки замечательный современный русский поэт Валентин Сорокин.

Попробую уточнить. Дело вовсе и не всегда в принадлежности к той или другой национальности, а в обыкновенной порой человечности, порядочности. И смелости! Избранный руководителем писательской организации Тюмени Е.Г. Шерман, по характеристике Б.Г. «жид пархатый», за две недели оформил мне, тогда в 83-м, морские документы и – «Полный вперед!». Такое с благодарностью всегда будет помниться.

Но как-то (ближние времена) в славный день еврейской Хануки в Тюмени журналистка Наумова вывалила на страницы «Тюм. известий» целую кучу любви к еврейским поэтам Найману, Рейну, Губерману, Бродскому, Шендеровичу и т.д., увенчав эту, неожиданную в провинциальной газете, компанию огромным, на половину газетной страницы, портретом фантаста Стругацкого. Не просто вывалила, а противопоставила («Это, Петька, у них нравы такие!»), по армейским меркам полувзводу, единственного в устроеном Наумовой противостоянии – «поэта Колю Денисова», подав стихи «Коли» в препарированном виде, известив участников праздника: «Колю» она ну никак «не любит». «Не удовлетворяет» её тонкий эстетический вкус...

Другое дело вышеназванные «большие русские поэты»! Именно – «русские».

Не имея чести знать девицу Наумову, позвонил редактору (новому) «Тюменских известий» «Вове» С. К., который подписал этот хануковский восторг в печать: «Что же Вы, уважаемый, разжигаете межнациональную рознь?» Бывший работник идеологического отдела обкома КПСС, выпускник Высшей партийной школы при ЦК КПСС скромно так пробормотал что-то

«о свободе слова» и далее не нашёл с рассуждениями.

Вот так. С нами. С тобой. А ты, непривыкший к подобным обструкциям, все еще верящий в справедливое устройство мира, только горько головой качаешь.

Решили отметить свой еврейский праздник? Отмечайте! Кто мешает.

На свете можно всё разбить,
Возможно всё создать,
На свете можно всё купить
И столько же продать.

Как просто ставить жизнь в актив,
В пассив поставив кровь,
Купив большой презерватив,
Любовь и не любовь...

Это Бродский. Нравится? Ну так и любуйтесь им. Подобными. А не лезьте в душу со своими назойливыми признаниями. Не троньте попутно-походя Есенина, не троньте Павла Васильева, не троньте Рубцова.

Развивайте, пестуйте свою культуру. Понимает же это другой еврейский поэт, когда пишет:

Новые затеявши затеи
И со страха нервно балагурия,
Едут приобщаться иудеи
К наконец-то собственной
культуре.

Куда едут? Известно. В землю обетованную. А я грущу и пишу по своему:

В родных полях, где мир и тишина,
Где даже гром грохочет
с неохотой,
Лежит моя крестьянская страна
Со всей своей
нелёгкою заботой...

Или вот рубцовское, пронзительное, пленяющее русскую душу:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

В 1969 году Николай Рубцов, однокашник мой по Литинституту, мог приехать в Тюмень на неделю поэзии. Писали мы ему в Вологду, приглашали. Ответил согласием. Но приезд по каким-то причинам не получился.

Через годы письмо Рубцова, якобы найденное в «мусорной корзине писательской организации», попадает в тюменскую «парламентскую газету», приватизируется и становится предметом торжища и глумления над теми, кто в ту далёкую пору обращался к поэту, ценил его имя и творчество.

Вот и говорю: перестаньте, прекратите плясать на прахе великого поэта. Сколько и так уже ненавистников поэта скучковалось вокруг убийцы Н. Рубцова – Л. Дербиной, живущей ныне в Петербурге. Ей, убийце, открыты залы для встреч, для «воспо-

минаний» содомистские издания, глубокое телевидение...

И вы, красные каббалисты-«кавалеристы» советских времен, перескочившие в пору «перестройки» на шакалов, с ними?! (Вопрос излишен). А вы, красные репортёры, завпартотделами, завпарткабинетами и завкафедрами марксизма-ленинизма – теоретические тунеядцы типа Бурбулиса, мастачившие в «эпоху» Ельцина порнографические газеты, не стыдились? Да и знакомо ли вам это чувство? Одурманенное вашей ложью, цинизмом, пошлостью, общество медленно, но прозревает, теряя в год от «хорошей жизни» по миллиону своих граждан. Русских – в основном.

Вы и ваши хозяева делали ставку на молодёжь. Но далеко не вся молодёжь принимает «пепси» и «жвачку», а интересуется: что было хорошего в Стране Советов? Вы предали эту страну и теперь мозолите в подконтрольных вам изданиях, на подконтрольном телевидении свою блевотину и «спидовую мораль», как ёмко назвал её русский поэт Валентин Сорокин.

Народ, «электорат» – пока все еще пребывает в зомбированном состоянии. Но не весь! И долго такое состояние продолжаться не может. Мысль человеческая не убита. Дух живет и зреет...

Вот говорит другой поэт и огненный современный публицист, воин Великой Отечественной Владимир Бушин. Как всегда, он даёт яркие разъяснения сомневающимся:

МОЁ ВРЕМЯ

Я жил во времена Советов,
Я видел всё и убеждён:
Для тружеников, для поэтов
Достойней не было времён.
Я жил в стране Социализма,
Я взвесил все её дела
И понял: никогда Отчизна
Сильней и краше не была.
Я жил во времена Союза
В семье несметных языков,
Где дружбы дух, где братства узы
Страну хранили от врагов.
Я жил в эпоху Пятилеток
И был голодным иногда,
Но видел я – мой глаз был меток –
Мне светит горная звезда.
Что ж, ошибались мы во многом,
Но первыми прервали мрак,
И в Судный день,
Представ пред Богом,
Мы развернем

наш Красный флаг.

Дерзостные – во времени нынешнем – стихи. О любви к Родине. А Родину надо любить – во все её светлые и горькие времена.

Николай Денисов.

Вечер воспоминаний

«Ромка, Фомка и Артос» – любимая книга моего детства. Книжка, которую я прочитала одну из первых, научившись читать, и на которой я просто выросла...

И вот, спустя почти десять лет с прочтения этой книжки, оказалась я в Центральной библиотеке города Тюмени, где проходил вечер воспоминаний об авторе этой и многих других книг – о писателе Константине Яковлевиче Лагунове. Событие посвящалось юбилейной дате – 80-летию со дня рождения нашего известного земляка. В уютном конференц-зале библиотеки, за просторным круглым столом и вокруг него собрались разные люди. В первую очередь – читатели К.Я. Лагунова, работники культуры, литераторы, студенческая и школьная молодёжь, работники библиотеки. Здесь при жизни часто бывал сам писатель

на обсуждении вышедших его новых книг, говорил о замыслах, раздавал автографы читателям.

Хочется отметить большую работу организаторов вечера воспоминаний, то есть библиотекарей. На стенде были выставлены книги писателя, а на большом экране, сменяя друг друга, демонстрировались фотографии и живые видеозаписи, озвученные голосом Константина Яковлевича. Говорили те, кто знал писателя по жизни и по творчеству. Словом, встреча друзей и поклонников писателя прошла тепло и с пользой для тех, кому еще предстоит открыть для прочтения книги Константина Лагунова.

Еще раз убедилась в том, что и в родном городе жили и живут немало талантливых земляков, известных и в России.

Юлия Граб, ученица 11 класса.

* * *

МАСКА

Каждый человек, независимо от жизни, на этой «сцене жизни» играет свою роль, порой трудную и страшную. Но ведь жизнь – не сцена. Посмотрите на провинившегося ребёнка или сытого хозяина, обиженную женщину или хамствующего начальника. Если есть хоть чуточку наблюдательности, то понаблюдайте за различными собаками, в точности копирующих своих хозяев или наоборот. Если есть время, сходите на рынок или базар, встаньте в сторонке и тогда вы увидите несравненные картины жизни.

Гляньте на покупателя, который пришел на рынок что-то купить, кусок мяса или тряпку, и как он выгадывает, просчитывая толщину своего кошелька. Обратите внимание на плутоватые лица и хитрые глаза, подобострастную фигуру и ждущую стойку продавца. Взгляните на чванливых и вороватых, убогих и забывших, самодовольных и застенчивых, на нищих стариков и сытых детей. Это театр в двух лицах или огромная сцена, где каждый играет только по своим правилам, придуманное им и написанное только для себя.

Человек, выходя на улицу, надевает маску и идет на работу или встречу, свидание или прогулку. Обратите внимание на то, что он по ходу события меняет маски на лице. Мы все своего рода артисты, артисты своего собственного театра, театра в одном лице. Есть и судьи и зрители, наблюдающие со стороны за действиями артиста и я, единственный артист, во всех ипостасях.

Что вам сейчас изобразить, простую семейную сценку, где всё происходит реально, а не надуманно, со всеми приличиями истории жизни? Сыграть роль комика или трагика?

Почему мы обижаем одних, другие унижают третьих, но мы все играем одну трудную роль, то ли начальника или подчиненного, главы семейства или члена семьи? Где найти середину золотого семейного счастья? Как поступить в том или ином варианте жизни, а может быть и судьбы?

Ведь это сушая правда, что кто-то пишет за меня сценарии жизни и заставляет меня играть эти роли без моего согласия и желания. Единственное, что нужно помнить всегда, так это снимать маску, когда приходишь домой.

Мы очень рано начинаем надевать маски, которые меняем так часто, что уже не можем узнать в зеркале свое лицо. Тот, на кого эту маску нельзя надеть, человек или очень опасный, или очень полезный. Представить себе таких людей мне не очень просто. Поэтому считаю, что нужно исходить из логики тех же масок. В определен-

ных пределах могу допустить, что где-то появился кто-то, кто решил-ся сильно рискнуть и схватить в итоге большой жирный кусок.

Где это происходит, в микрорайоне, работе, городе, округе или области, или будет происходить, не очень важно, но это есть. Важно то, что если мы сумеем вычислить маску, то сможем подумать и о куске, на который человек раскинул свои возможности. Поэтому – чутью надо доверять. Чутьё – великое дело.

Вот, к примеру, обратите внимание на гаишника, особенно из рядового или сержантского состава. Глаза, полные собственного самодовольства. Лицо, выражающее пренебрежение, на расстоянии до трех метров. И заскорузлые руки, с большими пальцами, которые умеют считать мои деньги в моем же кармане. Примерно такой же портрет и у взяточника.

Не хватит этого, гляньте на чиновников разного пошиба, порожденных демократией нашего времени. Довольно-усталое лицо от собственной важности, слова сквозь прокуренные в туалетах зубы, масштабность и наглость по отношению к простым людям.

Зайдите в любую организацию, предприятие или учреждение, и обратите внимание на некоторых секретарш у начальника. Сколько весомости, достоинства и гордости по охране дверей и покоя шефа, сколько пафоса и напыщенности в должности. Можно привести ещё кучу примеров из театра «Жизнь», и все они будут, как спектакль в одном или двух лицах.

Не подумайте, что у меня нет проблем или забот. Как и все, стараюсь найти взаимопонимание, уважение и любовь в семье, на работе, среди знакомых и друзей. Забот у меня полон рот, как и у всех, нет края и границ. Заедает суета ежедневных проблем и неустроенность в жизни, дети и внуки, финансовые проблемы и ремонт квартиры. Прежде всего, семья, потом многие другие вопросы, которые есть у каждого, если не у всех.

К кому бы обратиться, чтобы получить дельный совет или направление в дальнейшей суете жизни, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы? Чтобы в старости не одолевали мысли, что сделал что-то не так в своей молодости, пока были силы и возможности, когда до звёзд можно было дотянуться рукой, а моря и океаны были по колено, да и жизнь казалась цветной лентой созидания?

Опыт, как известно, похож на яблоню, которая весной зацветает, а по осени на ней нет ни одного плода...

Амирсеит Даутбеков,
г. Нижневартовск.

Юрий Ковязин

МИНИАТЮРЫ

НЕУСТОЙЧИВЫЙ

– Его давно пора на место
Поставить: пьёт не первый год!
– И ставиц, скажу вам честно...
Но, лишь поставят, – упадёт!

СЮЖЕТ И МОРАЛЬ

Сюжет: с поста барана сняли.
Мораль: а пост зачем давали?

БИБЛИОФИЛ

За книги можно много взять!
Вот это он сумел понять.
Но, жаль, другого не постиг:
Что можно больше взять из книг.

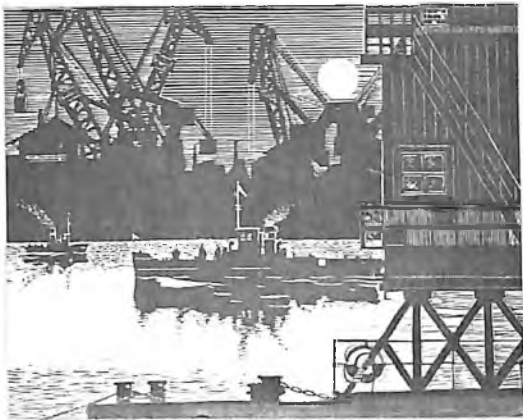
ЧУРБАН И ПИЛА

Чурбан с пилой затеял спор,
Что он, в сравненье с нею, – сила!
Не долго длился их раздор:
Она его перепилила.

г. Каменск-Уральский.

Дела и люди твои, Тюмень!

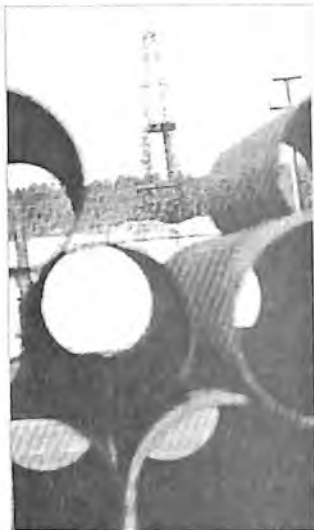
Тюменской области – 60 лет!

Сургутский порт. Гравюра М. Рогожнева

Первый зам. губернатора П. П. Митрофанов

Буровая и трубы.

Генеральный директор «Газснаба»
В. И. Рябков

Артисты из Бердюжского района

Каюр. Фото Седова

Хантыйская поэтесса М. Вагатова

Старая Тюмень. Фото первой половины XX-го века

Волчатник Николай Молданов. Фото Л. Седова

Николаю Островскому — 100 лет со дня рождения

— Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое...

Рис. Глеба Дритова.

«Любая социальная система имеет свои пределы прочности. Россия во многом живет теми запасами устойчивости, которые были заложены в советское время. И, конечно, сказывается характер русского человека, его терпение и жизнеспособность. Масштаб того социального зла, которое творится сейчас в России, в полной мере не осознается властями. Власти невольно подталкивают народ к бунту, волнениям. Растет недоверие к власти... Надежда на президента не может существовать бесконечно, не будучи подтвержденной делами. Народ хочет реальных действий по защите его прав и основного права — права на жизнь».

Владимир Добренков, ученый, автор книги «Нас убивают».

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов, коллектив редакции.

Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.91 г.

Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Ханты-Мансийская писательская организация, областное общество русской культуры, объединение русских кадетов в Венесуэле и США.

Отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартак, 6. Подписано в печать 9.12.2004. Тираж 500 экз. Заказ № 1779.

Цена свободная.

Компьютерный дизайн и верстка С. ПЯТКОВОЙ.

Корректор В. Бумагина.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются. Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

